

СССР

РОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

23 октября 1938 г.

№ 109313

г. МОСКВА

РАСЕКРЕЧЕНО
СОВ. СЕКРЕТНО

101

70

Ц К В К П (б)

тов. С Т А Л И Н У.

Направляю показания ДМИТРИЕВА Д.М., занимавшего до ареста должность начальника управления НКВД по Свердловской области, а до этого долгое время работавшего в центральном аппарате НКВД в Экономическом управлении в качестве помощника и заместителя начальника управления вместе с МИРОНОВЫМ.

ДМИТРИЕВ назвал большое количество участников заговора в НКВД уже репрессированных и показал о причастности к заговорщической деятельности: МИНАЕВА А.М. - ^{такой промисленной} ныне заместителя Наркома ~~путей сообщения~~, до этого занимавшего должность начальника контрразведывательного отдела ГУГБ и также длительное время работавшего в Экономическом управлении НКВД вместе с МИРОНОВЫМ и ДМИТРИЕВЫМ; ДЕНОТКИНА - помощника начальника контрразведывательного отдела ГУГБ; АГАСА В.С. - заместителя начальника особого отдела ГУГБ; ПАССОВА З.И. - начальника иностранного отдела ГУГБ; ГЕНДИНА С.Г. - начальника Разведывательного Управления РККА, до этого работавшего в контрразведывательном отделе ГУГБ.

ПАССОВ и ГЕНДИН нами вчера арестованы.

Арестованы: 1) Минаев
2) Исеев (секр-р по Лей-
тевскому) и допросы об Управ-
лении К.Р. Каджар. 3) Денисов 4) Фельд
д.м.а.н. В.Д. 5) Результ (Н.А.С.) 6) Филип 7) Кр.
Гипер (секрет). 8) Зачевицкий 9)

ДМИТРИЕВ также показал о подозрительных по шпионажу связях заместителя начальника контрразведывательного отдела ГРУБ ВОЛЫНСКОГО с ГАЕМ. Эти показания являются подтверждением имеющихся у нас материалов о причастности ВОЛЫНСКОГО к шпионской деятельности в пользу немцев. Материалы на ВОЛЫНСКОГО нами проверяются и он намечается к аресту.

ДМИТРИЕВ показывает о близких отношениях начальника контрразведывательного отдела ГРУБ НИКОЛАЕВА Н.Г. с врагами народа ПЕВОДЛАЕВЫМ, СОСНОВСКИМ, ЛЕПЛЕВСКИМ, ЗАКОВСКИМ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА

ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

И. Берия:

(БЕРИЯ)

ПОКАЗАНИЯ ДМИТРИЕВА Д.М.от 16-го октября 1938г.

В к.р. организацию правых в НКВД СССР меня вовлек МИРОНОВ Л.Г., являвшийся начальником Экономического отдела НКВД СССР, а с 1937 года нач. Контр-разведывательного отдела Наркомвнудела. Это было в марте 1935 года.

Мы знали друг друга в течение ряда лет.

В последнее время перед вербовкой он проявлял ко мне повышенную внимательность, создавал обстановку интимной беседы.

Нередко вызывал к себе в кабинет, а иногда на квартиру, говорил о работе; он обсуждал совместно со мною текущие задачи Экономотдела.

МИРОНОВ восхвалял личные качества ЯГОДЫ, как руководителя НКВД, заявляя, что он лучший представитель чекизма в партии.

МИРОНОВ говорил мне, что ЯГОДА ценит меня как работника и с его слов получалось так, что такое отношение ко мне есть результат влияния на ЯГОДУ со стороны МИРОНОВА.

Все эти беседы с МИРОНОВЫМ льстили мне, подымали в моих глазах МИРОНОВА, как руководителя.

Через некоторое время я заметил, что МИРОНОВ проявляет заметный интерес к моим политическим настроениям.

Излюбленной темой МИРОНОВА был вопрос о трудностях СССР

внутри страны и за ее пределами.

МИРОНОВ постоянно заявлял, что в неизбежной войне с наиболее агрессивной капиталистической страной — Германией — СССР будет побежден, как более слабое государство, по своему внутреннему положению.

Он утверждал, обычно, что в современной войне решать успех будет вопрос о хлебе, который одновременно есть вопрос о прочности данной государственной системы.

Он признавал, что в деревне господствует колхозная форма хозяйства — основной поставщик хлеба, но считал, что в условиях войны с таким индустриальным государством как Германия, с ее высокой организацией и культурой управления, колхозная форма будет трещать по швам и рассыпется на хозяйства одиночек, которые начнут бунтовать против советского государства.

Мужик — говорил МИРОНОВ — это страшная сила, которая себя обнаружит в гигантских размерах в годину наибольших испытаний.

В столь же отрицательных выражениях МИРОНОВ отзывался об индустрии страны, о военной промышленности, о техническом уровне вооружений РККА.

Позиция МИРОНОВА была пораженчеством. Я соглашался с его высказываниями.

Спустя некоторое время, МИРОНОВ сделал новый шаг в отношении того, чтобы раскрыть свое подлинное нутро.

О к.р. организации правых в стране и в НКВД СССР.

В одной из бесед в марте 1935 года он расшифровал свой тезис о внутренних силах, обрекающих де страну на по-

ражение.

Он открылся мне, что в стране существует заговор правых, возглавляемый БУХАРИНЫМ, РЫКОВЫМ, ТОМСКИМ.

Он заговорил о задачах заговора, преследующего захват власти в стране.

Он рассказал мне о том, что заговорщики имеют своих сторонников в Наркоматах: в НКТП, в Наркомлегпроме, Наркомфине, Наркомземе, Наркомсовхозе и в ряде других наркоматах.

Он мне не назвал фамилии участников. Но с его слов получалось, что заговорщики имеют кадры своих людей в ведущих учреждениях страны.

Подробно проинформировал меня МИРОНОВ по поводу той группы заговорщиков, которая орудовала в НКВД.

Вначале он мне назвал как заговорщиков только себя и ЯГОДУ.

Спустя некоторое время он мне сообщил, что в заговор входят: АГРАНОВ, ПРОКОФЬЕВ, МОЛЧАНОВ, ШАНИН, ПОГРЕБИНСКИЙ, ГАЙ, ВОЛОВИЧ, РЕШЕТОВ, ЛЕШЛЕВСКИЙ, ФЕЛЬДМАН В.Д., БЕРМАН Б.Д., ЛЮШКОВ Г.С., МИНАЕВ А.М., ДЕНОТКИН, ИЛЬИНСКИЙ, КРОПОТОВ, ГУТЦАЙТ, ДАВЫДОВ А.Д., ДЕЙЧ.

В Экономотделе НКВД СССР он назвал как участников заговора: ФЕЛЬДМАНА И.Д., бывш. помощника н-ка Экономотдела, начальников отделений ЭКО ЧЕРТОК, ЛОЕВА.

На местах в системе Экономорганов МИРОНОВ назвал: МОЛОЧНИКОВА, РЖАВСКОГО (Эко Ленинграда), МАЗО, ОРЛОВА, (ЭКО УССР и Сталино), ЦЕРПИЩКОГО (ЭКО Крыма), ВЕЙЗАГЕР (ЭКО Новосибирска), ДАШЕВСКОГО (ЭКО Горькря), СЧАСТЛИВЦЕВА (Урал, при нач. УНКВД - РЕШЕТОВЕ), РОЗЕНБЛУМА (ЭКО Куйбышева), ЛИСТЕНГУРТА Рафаила (ЭКО Московской области).

О заговорщике БЕРМАНЕ Б.Д.

МИРОНОВ знает БЕРМАНА не позднее как с 1927 года по совместной работе в Экономическом отделе НКВД СССР, в котором БЕРМАН разновременно занимал должности от опер.уполномоченного до начальника отделения включительно.

Еще в ту пору отношения между МИРОНОВЫМ и БЕРМАНОМ были весьма тесными и дружескими.

В заговор в НКВД СССР БЕРМАН был вовлечен непосредственно МИРОНОВЫМ Л.Г.

Активную заговорщическую деятельность БЕРМАН проводит, ведя лично следствие по делам правых и троцкистов, согласно поручения Г.Г.ЯГОДЫ.

Крупная подрывная работа была осуществлена БЕРМАНОМ за время работы его в аппарате Иностранного отдела НКВД СССР; обо всем этом я покажу в разделе практической к.р. работы заговорщиков.

О ЛЮШКОВЕ МИРОНОВ рассказал мне, что он был привлечен в заговор непосредственно БАЛИЦКИМ. Затем он связался с ЯГОДОЙ.

Было это, если не ошибаюсь в 1931 году, когда ЛЮШКОВ перешел на работу в НКВД СССР одновременно с приходом на должность Зам.Наркомвнудела БАЛИЦКОГО.

До этого ЛЮШКОВ был связан по контрреволюционной работе лично с БАЛИЦКИМ на Украине.

Там же на Украине ЛЮШКОВ поддерживал к.р. связи с ЛЕЩЕВСКИМ, тогда заместителем БАЛИЦКОГО.

В Москве ЛЮШКОВ связался с ДЕЙЧ, с которым он установил исключительные близкие отношения, которые могли наблюдать все соприкасавшиеся с ДЕЙЧ. ЛЮШКОВ, приезжая в командировки в Москву из Ростова-Дона, целые дни проводил в кабинете ДЕЙЧА.

-5-

ЯГОДА вырастил из ЛЮШКОВА свою основную опору в руководящем составе НКВД.

Назначение ЛЮШКОВА на должность нач.УНКВД отвечало стремлению ЯГОДЫ дать ЛЮШКОВУ политическую школу руководящей областной политической работы.

ЛЮШКОВ вел не только работу заместителя нач.СПО НКВД СССР. Он прямо помогал ЯГОДЕ в подрывной работе, путем составления по его указаниям приказов НКВД, отвечающих интересам правого заговора.

Составляя единую организацию, правые в аппарате НКВД одновременно делились на отдельные группы; в центре каждой из них находился один из руководящих правых, непосредственно объединявший вокруг себя членов группы.

Например, непосредственно вокруг ЯГОДЫ группировались МИРОНОВ Л.Г., ШАНИН, БУЛАНОВ, ПОГРЕБИНСКИЙ, ВОЛОВИЧ, ПАУКЕР, ЧЕРТОК, ЛЮШКОВ.

АГРАНОВ ближайшим образом был связан с РАДЗИВИЛОВСКИМ, АГАС, РЕШЕТОВЫМ, ДЕЙЧ, ЗАПОРОЖЦЕМ.

ПРОКОФЬЕВ вокруг себя группировал - ДАВЫДОВА А.Д., ГАЯ, ФЕЛЬДМАНА И.Д., БАЛАЯНА, СТАНИСЛАВСКОГО, ПОЛЯКОВА С., МАРКАРЬЯН.

В группу МИРОНОВА входили: ДМИТРИЕВ, БЕРМАН Б.Д., КРОПОВ, ГУТЦАЙТ, ЛОЕВ, МИНАЕВ А.М.⁷, ДЕНОТКИН, ИЛЬИЩЕИ, ЛИС-ТЕНГУРТ Рафаил.

ГАЙ группировал вокруг себя - ГОРБ, КУЖНЫЙ, СОСНОВСКИЙ, БОГУСЛАВСКИЙ, ГЕНДИН, ПАССОВ.

Такую же группу вокруг себя имел ЛЕПЛЕВСКИЙ И.М.

(ИНСАРОВ, АРРОВ, УШАКОВ и ряд других лиц, мне неизвестны).

Участники заговорщических групп одновременно поддерживали связи как внутри группы, так и между группами.

Указанный мною выше ФЕЛЬДМАН И.Д., входивший в группу ПРОКОФЬЕВА, одновременно был в непосредственной к.р. связи с МИРОНОВЫМ Л.Г., помощником которого он являлся. Затем со всей группой ГАЯ и лично с последним.

ЧЕРТОК чрезвычайно тесно связанный с ЯГОДОЙ был также связан по к.р. работе со мною, весьма близко с МИРОНОВЫМ, Петром ГУТЦАЙТОМ и КРОПOTOVЫМ.

ЧЕРТОК для ЯГОДЫ был агентом, который прощупывал настроения окружения ЯГОДЫ.

ДАВЫДОВ А.Д., связанный с ПРОКОФЬЕВЫМ, одновременно был в к.р. связи с МИРОНОВЫМ Л.Г. и МИНАЕВЫМ А.М.

ДАВЫДОВ — старый близкий знакомый МИРОНОВА. Был его заместителем по отделению внешней торговли Экономуправления НКВД СССР.

МИРОНОВ, уехав в 1930 году в Ташкент на работу полпреда ОГПУ, берет с собою ДАВЫДОВА на должность нач. погранохраны. В последующем МИРОНОВ делает его своим заместителем по КРО НКВД СССР.

Указанный выше ЛОЕВ был в к.р. связи помимо МИРОНОВА с ЛЕШЕВСКИМ, затем с ГАЕМ.

Близость ЛОЕВА к ЛЕШЕВСКОМУ и к ГАЮ составляла нередко предмет ревности со стороны МИРОНОВА, который обвинял ЛОЕВА в недостаточной преданности себе.

Я показал выше, что нач.ЭКО УНКВД Ленинграда — МОЛОЧНИКОВ и его заместитель РЖАВСКИЙ, являлись участниками заговора.

Выполняя задания МИРОНОВА никакой оперативной работы в Ленинграде не вел.

РЖАВСКИЙ - старый работник экономорганов. Одно время работал в Эконом.отделе НКВД СССР, находясь в очень близких личных и политических отношениях с МИРОНОВЫМ.

Вместе с МОЛОЧНИКОВЫМ развалил работу ЭКО Ленинграда.

И тот, и другой - привлечены к к.р. работе непосредственно МИРОНОВЫМ, который переведя их на работу в Ленинград, связал с МЕДВЕДЕМ, бывш. нач.УНКВД Ленинграда, старым опытным заговорщиком.

МАЗО - был начальником Эконом.отдела НКВД УССР. Одновременно находился в к.р. связи с БАЛИЦКИМ и с МИРОНОВЫМ.

МАЗО называли украинским МИРОНОВЫМ - в такой мере он копировал приемы и методы работы МИРОНОВА.

О нем МИРОНОВ отзывался как о человек, который умеет создавать себе авторитет при отсутствии практической работы.

ОРЛОВ - начальник экономотдела НКВД Донбасса, был привлечен в заговор непосредственно МАЗО. По словам МИРОНОВА, ОРЛОВ провел значительную подрывную работу в опер. работе по предприятиям Донбасса.

ЦЕРПИЦКИЙ - начальник Эконом.отдела Крыма. Привлечен в заговор непосредственно МИРОНОВЫМ, от которого и получал практические указания по к.р. работе. Экономотдел Крыма все время находился в состоянии паралича.

ВЕЙЗАГЕР - нач.ЭКО в Новосибирске. Был привлечен к к.р. деятельности лично МИРОНОВЫМ.

Проваливал чекистскую работу на предприятиях Сибири.

Мне ВЕЙЗАГЕР рассказывал, что он провел большую работу по замазыванию сигналов о к.р. работе на Кузнецком металлургическом заводе.

ВЕЙЗАГЕР представлял из себя редкий экземпляр очковтира-теля и лгуна.

Группировал вокруг себя "своих людей", которые "не вы-дадут в случае провала!". Одного из них фамилия БРЕЙТМАН.

ДАШЕВСКИЙ - был нач.ЭКО в Горьком. МИРОНОВ предложил его мне в Свердловск, в качестве нач.КРО и одновременно пом.началь-ника Управления.

Я знал, что ДАШЕВСКИЙ к тому времени уже был участником заговора, Я его принял. О контрреволюционной работе ДАШЕВСКОГО я покажу ниже. ДАШЕВСКИЙ долгое время работал с ПОГРЕБИНСКИМ, являясь пом.нач.Управления НКВД по Горьковскому краю. Он его правая рука по к.р. работе в Горьком.

СЧАСТЛИВЦЕВ - был нач.ЭКО Свердловской области при нач. УНКВД РЕШЕТОВЕ.

К к.р. работе был привлечен РЕШЕТОВЫМ и МИРОНОВЫМ; связи поддерживал с обоими. На основе их указаний СЧАСТЛИВЦЕВ провел громадную подрывную работу в ЭКО УНКВД, замазав вскрытие круп-нейших к.р. формирований правых на предприятиях Урала (дело председ.Востокостали СЕДАШЕВА, директора Чусовского металлурги-ческого завода ДОНСКОВА, директоров Верх-Исетского завода КОЛ-ГУШКИНА и ГОРБУНОВА, директора Березниковского химического ком-бината ПУЧКОВА, директора завода № 98 МАЛЫШЕВА, директора Урал-малзавода ВЛАДИМИРОВА и друг.).

В результате к.р. деятельности СЧАСТЛИВЦЕВА указанные правые, имевшие вокруг себя группы сообщников безнаказанно осу-ществляли подрывную работу в течение ряда лет.

РОЗЕНБЛУМ — начальник Экономотдела в Самаре, а затем в Ростове на Дону. Знаю только о его к.р. деятельности в Самаре.

Был привлечен в заговор МИРОНОВЫМ Л.Г., который связал его по контр-революционной работе с БАКОМ, бывш. нач.УНКВД по Средней Волге, являвшимся заговорщиком.

Мне МИРОНОВ рассказывал, что РОЗЕНБЛУМ развернул значительную подрывную работу на военных заводах Самары, оградив от разоблачения ряд к.р. формирований и сведя к пустому звуку особый порядок найма рабочей силы на военные заводы.

ЛИСТЕНГУРТ Рафаил — начальник Экономического отдела Управления НКВД Московской области.

МИРОНОВ знал, что ЛИСТЕНГУРТ служил в полиции в период гетмана на Украине.

Используя это обстоятельство, он вовлек ЛИСТЕНГУРТА в состав заговора.

Через ЛИСТЕНГУРТА МИРОНОВ организовал подрывную работу в оперативном деле на предприятиях Московской области — на военном заводе им.Калинина (орудийный), на "Динам", на Трехгорке и на друг. заводах.

МИРОНОВ заметно приблизил к себе в быту ЛИСТЕНГУРТА, брал его с собою в командировки, поручая ему наиболее "щекотливые дела" при расследованиях (дела правых и троцкистов). Выступая на совещаниях ЛИСТЕНГУРТ говорил о МИРОНОВЕ, как о "талантливейшем руководителе НКВД", создавшем целую школу учеников, причисляя себя к ним.

О ЛИСТЕНГУРТЕ МИРОНОВ отзывался как о ценном заговорщике, говоря, что его нужно в то же время крепко держать в руках, иначе он срывается.

В качестве иллюстрации он привел случай с ЛИСТЕНГУРТОМ в Ленинграде, где он был в командировке с МИРОНОВЫМ, расследуя дела правых и троцкистов, когда ЛИСТЕНГУРТ через голову МИРОНОВА и ЯГОДЫ - направил показание одного арестованного лично Л.М.КАГАНОВИЧУ.

Это "нарушение субординации" вызвало у ЯГОДЫ такую реакцию, что он снизил ЛИСТЕНГУРТА по должности и отправил его на работу на периферию.

МИРОНОВ же не изменил своего отношения к ЛИСТЕНГУРТУ, договорившись с ним о поездке в совместную командировку на ДВК (после ухода ЯГОДЫ из НКВД СССР).

Я слышал, что Р.ЛИСТЕНГУРТ в настоящее время задним числом об"ясняет весь этот инцидент, как показатель гонений против него со стороны ЯГОДЫ и МИРОНОВА, называя себя пострадавшим от их "контр-революционной работы".

Это явная ложь и способ маскировки.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАГОВОРЩИКОВ В НКВД

С.С.С.Р.

Со слов МИРОНОВА я знаю, что ЯГОДА поддерживал прямые контр-революционные связи с руководителями правого подполья в СССР в лице РЫКОВА и БУХАРИНА.

МИРОНОВ передал мне, что на отряд заговора, орудовавший в НКВД СССР, возложены исключительно ответственные задачи по ограждению от разоблачения правого подполья и по обеспечению ему безнаказанности в проведении контр-революционной деятельности.

"Вы, конечно, отдаете себе отчет, — говорил МИРОНОВ, — что только наличием заговорщиков в НКВД СССР об"ясняется бёзмятежное существование правого подполья во главе с РЫКОВЫМ и БУХАРИНЫМ.

К тому же, — добавил МИРОНОВ, — хотели или не хотели заговорщики в НКВД, от агентуры систематически поступали сигналы о деятельности правых не только в Москве, но и в ряде областей Союза и железная логика борьбы повелительно требовала прятать эти концы в воду".

Вот, примерно, в таких выражениях познакомил меня МИРОНОВ с основной тактической установкой заговорщиков в НКВД.

Он же мне сообщил, что этой установке соответствует целая сумма мероприятий, осуществляемая заговорщиками в непосредственной работе в НКВД, которая выражается, как в глушении сигналов, так и в направлении ударов репрессий мимо действительных очагов контр-революционной работы правого подполья.

МИРОНОВ подчеркивал роль и значение приказов ЯГОДЫ в плане подрывной работы заговорщиков.

ЯГОДА в своих приказах откровенно уводил аппарат НКВД от задачи борьбы и разгрома правых, не встречая сопротивления со стороны массы оперативного состава.

Другой важной тактической установкой заговорщиков в НКВД было установление прямых контр-революционных связей с участниками правого подполья, действовавшими вне НКВД.

МИРОНОВ здесь не имел в виду заговорщиков центрального аппарата НКВД, которые по его словам, помимо ЯГОДЫ, МИРОНОВА и ПРОКОФЬЕВА, не имели связей с правыми за пределами НКВД.

Он прямо говорил о руководителях областных и краевых аппаратов НКВД — заговорщиках, которые устанавливали контр-революционные связи с главами правого подполья на местах, входили в существовавшие там руководящие группы — центры, включаясь таким образом в непосредственную практическую контр-революционную деятельность этих центров.

В качестве примера МИРОНОВ сослался на Западную область, заявив, что начальник УНКВД Западной области БЛАТ, входит в состав местного областного центра правых. Затем он сказал, что в Свердловской области начальник УНКВД РЕШЕТОВ также является членом уральской руководящей группы правых.

В июле или августе 1935 года МИРОНОВ познакомил меня с практической контр-революционной работой наиболее активных заговорщиков. Сказал он при этом, примерно, следующее:

"Вы должны понять, — говорил МИРОНОВ, — что выполнение функций заговора не может взять на себя исключительно один какой либо оперативный отдел НКВД, хотя бы Секретно-Политический, на котором как известно лежит обязанность борьбы с политическими партиями.

Обеспечение правых от разоблачения не под силу одному Секретно-Политическому отделу. Вот почему особенно важна практическая контр-революционная работа на тех участках, которые возглавляются ГАЕМ, МОЛЧАНОВЫМ и мною, т.е. по линиям Особого отдела, Секретно-Политического отдела и Экономического отдела".

После такого вступления МИРОНОВ познакомил меня с деятельностью Особого отдела в плане работы заговорщиков.

Работа Особого отдела представляет из себя яркий образчик провалов по всем линиям. ГАЙ, по указанию ЯГОДЫ, культивирует тип оперативного работника, не занимающегося чекистским производством. ГАЙ не ведет никакой работы по белым, по белому и царскому офицерству, по пресечению повстанческих формирований на селе.

"Особо обратите внимание, — говорил МИРОНОВ, — на настойчиво распространяющиеся утверждения о том, что Российское общество воинского союза (РОВС) на сегодняшний день не представляет никакой опасности, что глава его — генерал МИЛЛЕР, является выжившим из ума стариком".

Все это, якобы, обрекает аппарат РОВС"а и его кадры на бездействие и естественное умирание. Далее распространяются утверждения, что все белое движение изжило себя и представляет лишь бездыханный труп.

Авторами всех этих положений являются ЯГОДА и ГАЙ, которые преднамеренно муссируют их среди оперативного состава, засоряя его мозги и парализуя его активность в борьбе с врагами".

"Такая дребедень, — сказал МИРОНОВ, — заполняя мозги оперативников, служит непосредственным целям заговора в тысячу раз больше, чем что либо другое".

Затем МИРОНОВ рассказал мне, что ГАЙ привел аппарат Особого отдела, в той его части, которая обслуживает Красную армию, в состояние паралича, преследуя при этом цель обеспечения безнаказанности для деятельности заговорщиков в Красной армии.

Он мне рассказал о существовании заговора в РККА, руководимого ТУХАЧЕВСКИМ, о том, что заговорщики в армии подготавливают восстание против советской власти.

Совершенно ничтожны результаты работы Особого отдела по контр-разведке, в особенности против разведок стран наиболее агрессивно-настроенных по отношению к Советскому союзу, а именно, против германской и японской разведок.

Во время этой беседы мне еще не были известны внутренние пружины, которые об"ясняли это бездействие ГАЯ в борьбе с иностранными разведками. В последующем я узнал от ГАЯ о том, что он являлся агентом германской разведки и это сразу все об"яснило.

МИРОНОВ познакомил меня с заговорщической деятельностью по линии МОЛЧАНОВА.

ЯГОДА, АГРАНОВ, МОЛЧАНОВ знали о существовании основного и параллельного центров троцкистов, зиновьевцев.

МОЛЧАНОВ, а до него АГРАНОВ, являвшийся предшественником МОЛЧАНОВА на посту начальника Секретно-Политического отдела НКВД СССР — старательно прятали под сукно поступающие сигналы о контр-революционной деятельности Ю.ПЯТАКОВА, И.Н. СМЕРНОВА, Г.Я. СОКОЛЬНИКОВА и других руководящих деятелей троцкистского подполья.

Эти сигналы говорили, что, начиная с 1932 года, троцкисты резко повысили свою активность, вступили в блок с зиновьевцами и правыми, составив однородное подполье врагов советской власти.

Отдельно МИРОНОВ рассказал о террористической группе РЮТИНА.

Группа РЮТИНА составляла неразрывную часть правого подполья БУХАРИНА, РЫКОВА и отражала в своих программных документах не вождения одиночек, сгруппировавшихся вокруг РЮТИНА, а подлинные стремления и намерения самих БУХАРИНА и РЫКОВА. Таким образом, из"ятая у группы РЮТИНА программа -являлась программой всего правого заговора в стране.

С целью спасти БУХАРИНА, РЫКОВА и оградить все подполье правых от разгрома, ЯГОДА, АГРАНОВ и МОЛЧАНОВ свели так называемую группу РЮТИНА к локальной группе, не имевшей якобы, ничего общего ни с правым подпольем в целом, ни с БУХАРИНЫМ, РЫКОВЫМ.

О своей контр-революционной работе в Экономическом отделе НКВД СССР МИРОНОВ сообщил мне, что он поставил себе задачей создать паралич в оперативной работе отдела.

Дел действительно было в то время ничтожно мало, аппарат двигался на холостом ходу.

Я в тот период в силу перегруженности допросами мало знал как идет в целом работа в Экономическом отделе. Слова же МИРОНОВА представили мне в ярком свете положение дел в Экономическом отделе.

Основное внимание в своей подрывной работе МИРОНОВ обращал на военную промышленность и на машиностроение. Он мне говорил, что накапливается много данных о контр-революционной работе директоров московских военных заводов правого МАРЬЯМОВА, других и что он все эти данные кладет под сукно.

Далее, он передавал о подрывной деятельности начальника Главного тракторного управления Наркомтяжпрома ДЫБЕЦ,

заявив, что он принимает меры к ограждению его и лиц, с ним связанных, от разоблачения.

В заключение этой беседы МИРОНОВ предложил мне включиться в проведение подрывной работы в Экономическом отделе и по линии следствия по делам зиновьевцев и троцкистов, которые я лично вел. Я ответил на это предложение согласием.

Конкретизируя свою мысль о проведении подрывной работы, МИРОНОВ рекомендовал мне в качестве метода:

а) консервировать под сукном данные о контр-революционной деятельности наиболее крупных правых;

б) проводя следствие — его кастрировать, не допуская чтобы удары репрессии приходились на наиболее жизненные очаги правых.

МИРОНОВ сказал, что мне нечего об"яснять, в какой мере характер и об"ем следствия зависят от того, кто именно ведет следствие. Судьба следствия в руках следователя. Все новые факты, обнаруживаемые в деятельности троцкистов и зиновьевцев, дела на которых уже рассмотрены, есть результат того, что следствие^{по} их делам ведут заговорщики. Я принял к исполнению эти указания МИРОНОВА.

В своей практической работе по Экономическому отделу я в течение 1935 года осуществил следующее:

1. У нас было достаточно агентурных данных о подрывной деятельности крупного правого ЯГЛОМА и лиц с ним связанных (здесь была целая группа).

ЯГЛОМ являлся начальником Главстройпрома Наркомата пищевой промышленности. Я законсервировал его дело, не допустив его реализации в следствии.

2. Мы имели исчерпывающие агентурные данные о контр-революционной деятельности БРОДОВА — начальника Главазота Наркомтяжпрома СССР. БРОДОВ вел организованную работу, добиваясь развала азотной промышленности. Действовал он не один, а с целой группой. Я законсервировал это дело, изоцряясь при этом в предложениях и не допуская реализации его путем арестов.

3. Примерно, в таком же состоянии были данные о контр-революционной деятельности начальника Главрезины Наркомтяжпрома БИТКЕРА.

Материал находился целиком у ЧЕРТОК, заговорщика, в то время начальника отделения в Экономическом отделе. Я предложил ему не давать движения материалу, что он и сделал.

Таких дел о контр-революционной деятельности правых в хозяйстве, подвергнутых мною консервации, было не мало. За давностью времени я не могу их припомнить.

В течение 1936 года я вовсе оторвался от работы Экономического отдела, так как получил приказание целиком пересесть на следствие по делам троцкистов, зиновьевцев, которые я должен был вести лично сам. Вследствие этого я повел контр-революционную работу в процессе следствия по делам троцкистов и зиновьевцев.

Вспоминаю следующие дела:

1. Дело Татьяны КАМЕНЕВОЙ. Она являлась женой Л.В.КАМЕНЕВА. Имелись данные, что Татьяна КАМЕНЕВА, по заданиям Л.Б.КАМЕНЕВА, ходила к французскому послу в Москве АЛЬФАНУ с предложением встретиться с Л.Б.КАМЕНЕВЫМ для контр-революционных переговоров о помощи французского правительства троцкистским подпольщикам в СССР.

Я и ЧЕРТОК, допрашивавшие Татьяну КАМЕНЕВУ "ушли" от этого обвинения, дав ей возможность не показывать об этом факте на следствии.

2. Дело известного троцкиста СОКОЛЬНИКОВА Г.Я.. В ходе дела СОКОЛЬНИКОВА имелись данные, что он создал в системе Наркомлеса, где являлся зам.наркома, контр-революционную организацию с поручениями вести подрывную работу в лесной промышленности. Я намеренно "ушел" от выяснения у СОКОЛЬНИКОВА этого вопроса, скрыв таким образом от разоблачения его сообщников.

3. Дело БЫК-БЕКА. Я вел дело троцкиста БЫК-БЕКА. Он отец жены СОКОЛЬНИКОВА Г.Я.. Он врач.

Имелись данные, что БЫК-БЕК был связан с к.р. группой правых в Наркомздраве.

Я нарочито не допрашивал БЫК-БЕКА по этому вопросу, что дало ему возможность скрыть ее от разоблачения.

4. Дело РЕЙНГОЛЬДА. РЕЙНГОЛЬД был заместителем Наркомзема СССР. Были определенные данные о том, что РЕЙНГОЛЬД в Наркомземе создал группу правых, вместе с которой осуществлял подрывную работу.

Я намеренно не выяснил у него этих лиц и указанная группа ускользнула от разоблачения.

5. Дело ЕЛИНА. ЕЛИН являлся секретарем Дзержинского горкома ВКП(б) Горьковской области. В ходе следствия по его делу я положил под сукно данные о к.р. связях ЕЛИНА с группой правых - историков, работавших в одном из институтов, что привело к разоблачению.

6. Дело АРКУСА. АРКУС являлся заместителем председателя Госбанка СССР. В распоряжении следствия имелись данные

что АРКУС создал в системе Госбанка к.р. группу, через которую проводил подрывную работу.

Я намеренно уклонился от выяснения у АРКУСА указанных лиц и предохранил их от разоблачения.

На приведенных фактах легко видеть, как действительно судьба следствия зависит от того, кто именно его производит.

О моих связях с ГАЕМ, бывш. начальником Особого отдела НКВД С.С.С.Р.

У меня было два разговора с ГАЕМ по вопросу его контрреволюционной работы, точнее по поводу его связей с немцами и по поводу связанных с ним заговорщиков в НКВД.

В середине 1935 года МИРОНОВ напомнил мне, не помню сейчас в какой это было связи, о поездке ГАЯ в Германию в 1932 году.

Действительно, тогда ГАЙ ездил в Берлин.

Я вспомнил, что ГАЙ был крайне рад этому обстоятельству и затем весьма огорчен, когда в силу серьезной болезни его жены, родственники ГАЯ досрочно вызвали его из Германии в СССР.

Поездка была связана с договоренностью правительства СССР с германским о допуске на военные заводы Германии и об учебе в немецких военных учебных заведениях группы советских военных.

Моя беседа с ГАЕМ по вопросу о его поездке в Германию состоялась в конце 1935 года в один из предвыходных дней, когда ГАЙ оставался ответственным дежурным НКВД СССР; мы были только вдвоем.

ГАЙ восторгался германской техникой, германскими военными заводами, германскими военными учебными заведениями. Он проводил параллели с советской действительностью и приходил к резким отрицательным выводам для СССР.

ГАЙ говорил о том, что германское хозяйство легко вышло из всеобщего кризиса и об"яснял это мощью германской техники, культурой германского народа и порядками, существующими в стране, т.е. капиталистическими порядками.

В дальнейшем ГАЙ в интимном разговоре сначала намеками, а затем в прямой форме рассказал, что будучи в Берлине, он установил связи с немцами.

Привлечен он был при этом одной женщиной из белоэмигранток, с которой сошелся в период пребывания в Берлине.

Она и связала его с офицером Рейхсвера, представлявшим германскую военную разведку.

Немцы просто купили ГАЙ за деньги.

ГАЙ передавал, что немцы завербовали не только его одного, но и ряд работников РККА, бывших в этой командировке. Фамилии он не называл.

ГАЙ сказал, что в резидентуре НКВД, в Берлине "немцы хозяева". Я его понял так, что в составе резидентуры имеются крупные агенты-немцы.

Я не помню сейчас, кто являлся резидентом НКВД, в Берлине, в то время.

ГАЙ получил задание от немцев парализовать контр-разведывательную работу Особого отдела НКВД СССР против деятельности немецкой разведки на территории СССР, что и выполнял.

Удары репрессий ГАЙ направлял в сторону от крупных очагов немецкой работы по шпионажу и повстанчеству.

Он имел прямое задание обеспечить возможность активной деятельности для германской агентуры, перебрасываемой в СССР под видом политэмигрантов, перебежчиков, иностранных специалистов.

"Я добросовестно исполняю эти предназначения немцев, — сказал ГАЙ."

"Из того, что со мной случилось в Берлине, — продолжал ГАЙ, — я ничего не утаил от ЯГОДЫ, который посмеялся надо мной, говоря, что немцы очень ловко подвели ко мне женщину-вербовщицу".

Беседа с ГАЕМ поставила все точки над "и", не оставив никаких сомнений по поводу причин провалов в работе Особого отдела и его органов.

Несколько позднее я имел повторный разговор с ГАЕМ, уже в его служебном кабинете.

Пришел я к нему в связи с одним оперативным делом, в разработке которого имела место, так называемая, конкуренция между Особым отделом и Экономическим отделом. Я просил ГАЯ "не лезть не в свое дело" и если не ошибаюсь, жаловался на какие-то, по моему мнению "дезорганизаторские действия ГЕНДИНА" его помощника.

ГАЙ сказал:

"Ты напрасно придираешься к ГЕНДИНУ, он "свой" человек".

Тут же ГАЙ рассказал мне, что он участник заговора и был привлечен к заговорщической деятельности непосредственно самим ГАЕМ.

ГЕНДИН, по его словам, поддерживал тесные контр-революционные и дружеские связи с СОСНОВСКИМ — польским раз-

ведчиком. ГАЙ сказал, что СОСНОВСКИЙ вовлек ГЕНДИНА в работу в пользу поляков. В краткой форме он мне передал данные о контр-революционной работе ГЕНДИНА.

ГЕНДИН сменил СОСНОВСКОГО на посту руководителя всей работы против поляков и вел ее в аппарате особого отдела НКВД СССР в течение ряда лет.

"Выражаясь официальным языком, — сказал ГАЙ, — можно сказать, что почти все провалы в работе против поляков за последние годы являются одновременно провалами самого ГЕНДИНА".

"В этом деле трудно отделить меня, СОСНОВСКОГО от ГЕНДИНА".

Вся польская агентура в Москве являлась двойниками, которые вели работу в пользу поляков против СССР.

ГЕНДИН вместе с СОСНОВСКИМ клал под сукно сигналы об активности "Польска организация войскова" ("ПОВ"), о посылке им своих эмиссаров в СССР, о контр-революционной деятельности польских перебежчиков в местах их расселения.

До работы в центральном аппарате НКВД СССР, ГЕНДИН являлся нач. КРО Белоруссии не то при ПИЛЯР, не то при ОЛЬСКОМ.

Его предшественником на этом посту, от которого он принимал дела, был СОСНОВСКИЙ, проводивший к тому времени значительную подрывную работу в КРО Белоруссии по заданиям поляков.

ГЕНДИН продолжал деятельность СОСНОВСКОГО, широко конспирируя крупные очаги польской работы на территории Белоруссии.

ГЕНДИН активный агент польской разведки.

Я разговаривался с ГАЕМ о ПАССОВЕ, с которым я встречался по деловой работе.

ГАЙ сказал, что он сразу обратил внимание на ПАССОВА, как на человека, который проявлял определенные признаки роста, являясь чекистом с 1927 года.

"Он мой активный человек", — сказал ГАЙ, пояснив, что в состав заговора он привлек лично его сам.

ГАЙ держал ПАССОВА на работе по белому движению, по РОВС-у.

По заданиям ГАЯ, ПАССОВ вместо живой практической работы по белым, по офицерству, по выявлению посылок РОВС-ом своей агентуры в СССР, намеренно занимался так называемым легендированием, которое создавало внешнюю видимость противо-белой работы, чтобы скрыть подлинные базы работы белых на территории страны, а сигналов об этом было сверхдостаточно.

ПАССОВ вместе с ГАЕМ широко утверждали, что РОВС у них в кармане, так как в его составе, в Париже, имеется ценная агентура, обеспечивающая возможность знать все поползновения штаба белых против СССР. (Сравните с позицией по этому вопросу БЕРМАНА Б.Д., НИКОЛАЕВА Н.Г., ЯГОДЫ, ЛЕШЕВСКОГО — см. ниже).

Это была намеренная ложь, имевшая своей целью обмануть личный состав аппаратов Особых отделов и парализовать его активность в работе против белых.

Вся "деятельность" ПАССОВА представляла из себя вопиющее бездействие в вопросах работы по офицерству царского и белого времени, по вскрытию очагов повстанческой работы

на селе. ПАССОВ очень дружил с СОСНОВСКИМ и ГЕНДИНЫМ.

Факты их совместной контр-революционной деятельности мне неизвестны, но я уверен, что они вели совместную контр-революционную работу.

ПАССОВ знал, что я заговорщик. Ему это было известно, как я понимаю, со слов ГАЯ.

В июле 1937 года, когда я был в Москве, я встретил ПАССОВА. Я ему сказал примерно следующее:

"Привет вам от Марка Исаевича (это имя и отчество ГАЯ). ГАЙ в это время был уже арестован.

ПАССОВ страшно смутился. Тогда я продолжал: "что здорово пуп у вас дрожит". Этой грубоватой фразой я намекал на то, что ПАССОВ должен был находиться все время в испуге, опасаясь, что его выдал ГАЙ. ПАССОВ растерянно ответил, что он и сейчас (середина 1937 г.) находится в том же состоянии испуга, ибо допускает, что ГАЙ мог его назвать.

ЯГОДА неоднократно вызывал ПАССОВА лично к себе, хотя он в ту пору был только начальником отделения Особого отдела. ЯГОДА же обычно нач.отделений не вызывал к себе, вследствие чего такие вызовы ПАССОВА в практике ЯГОДЫ представлялись прямо бросавшимся в глаза исключением и лично для меня подтверждали, что ПАССОВ заговорщик.

Существовал весьма громкий приказ за подписью ЯГОДЫ по представлению ГАЯ, на основе записки ПАССОВА, который имел назначение на опыте работы по расследованию одного факта, якобы, научить массу оперативников, как надо вести борьбу с контр-революцией.

Я не могу вспомнить время издания этого приказа, возможно это 1935 год.

В этом приказе, с большими подробностями ЯГОДА рассказывает^{не} о том, как раскрываются очаги к.р. работы, а о том, что ПАССОВ вскрыл вранье одного арестованного по поводу того, что он агент иностранной разведки.

Политический резонанс этого вредного приказа вел к ослаблению воли оперативного состава, к разоблачению деятельности иностранных разведок на территории Союза — ударение было сделано на том, что арестованные врут, называя себя разведчиками, а не на том, что они скрывают свою разведывательную деятельность.

О поездке МИРОНОВА в Вену в 1934 году.

Я знал, что МИРОНОВ в 1934 году ездил в Вену, но до середины 1935 года я считал, что эта поездка была связана с необходимостью лечения у какого то знаменитого венского костника.

Между тем, в середине 1935 года МИРОНОВ мне раскрыл глаза на действительные цели этой поездки.

Оказывается, что в Вене, по заданию ЯГОДЫ, он имел непосредственную встречу с приезжавшим туда из Берлине крупным представителем немцев.

Как известно, это был период, когда ГИТЛЕР был уже у власти и когда в огромной мере выросла активность германской внешней политики и агрессивность германских разведывательных органов.

Представитель немцев потребовал от МИРОНОВА подробной информации о состоянии контр-революционных сил в СССР и, прежде всего, данные о правом подполье.

Немцев интересовали следующие основные вопросы : каковы

ресурсы правых в стране, каковы их силы в деревне, можно ли рассчитывать на массовость подполья правых, каковы его связи в партийных организациях, в советских, в хозяйственных, среди специалистов, в составе молодежи, в научной среде, наконец, в армии и в НКВД.

Можно ли, гласил другой вопрос немцев, говорить о возможности серьезного восстания в СССР в самом непродолжительном будущем.

МИРОНОВ рассказал мне, что он заранее зная, какие цели преследует эта встреча с представителем немцев, в Вене, был вполне подготовлен к даче подробных об"яснений и что поэтому его информация была в достаточной мере исчерпывающей (разговор велся на русском языке, которым немец хорошо владел).

Общий смысл ответов МИРОНОВА сводился к утверждению, что правые в СССР представляют из себя разветвленное подполье, располагающее крупными силами в партийном, советском и хозяйственном аппаратах страны, в деревне, среди молодежи, в научной среде, среди специалистов.

Особо подробно представитель ГИТЛЕРА расспрашивал о силах подполья в Красной армии и в НКВД.

МИРОНОВ давал пространные ответы.

На вопрос о том, можно ли говорить о восстании в ближайшее время, МИРОНОВ отвечал, что он не уполномочен сказать что либо определенное по этому вопросу, но что он доведет до сведения лица, его пославшего в Вену о том, что немцы ожидают ответа по существу этого вопроса.

Общие указания, полученные МИРОНОВЫМ от немцев, состояли в предложении усиления активности к.р. работы правых.

Представитель немцев ответил, что ГИТЛЕР готов идти на самую широкую поддержку правого подполья и на немедленное признание правительства из состава правых в случае захвата власти правыми в стране.

Результаты этой поездки МИРОНОВ, по его словам, передал ЯГОДЕ, который сказал, что он их должен немедленно довести до сведения РЫКОВА.

ФАКТЫ ИЗ КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕРМАНА Б.Д.
НАЧАЛЬНИКА 3 УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР.

БЕРМАНА Б.Д. знаю во всяком случае с 1927 года по совместной работе в Экономическом отделе НКВД СССР, в котором он одновременно занимал должности от оперуполномоченного до начальника отделения включительно.

Столько же времени, если не больше, БЕРМАН Б.Д. знаком с МИРОНОВЫМ Л.Г., который весь период работы БЕРМАНА в Экономотделе до 1929 года являлся его начальником.

Еще в ту пору отношения БЕРМАНА и МИРОНОВА были весьма тесными и дружескими.

В 1930 году МИРОНОВ был назначен полномочным представителем ОГПУ по Средней Азии вместо БЕЛЬСКОГО Л.Н., там он застаёт БЕРМАНА в должности нач.КРО и длительный период времени работает с ним совместно.

МИРОНОВ мне рассказывал, что он и БЕРМАН в период работы в Средней Азии вели контр-революционную работу, имели связи с местными буржуазными националистами.

В чем именно выразилась эта контр-революционная работа, он мне не сообщил.

От МИРОНОВА я знаю, что он вовлек БЕРМАНА в заговор в НКВД СССР, используя свои тесные дружественные отношения с БЕРМАНОМ.

Прямо с работы в Средней Азии, БЕРМАН был назначен резидентом НКВД в Берлин.

Я знал, что МИРОНОВ нередко пересылал почтой иностранного отдела (диппочта) в Берлин БЕРМАНУ какие-то записки, на которые тот довольно быстро отвечал.

У меня сохранилась полная уверенность, что эта переписка была связана с контр-революционной работой МИРОНОВА-БЕРМАНА.

О том, что я являюсь участником заговора, БЕРМАН впервые узнал от МИРОНОВА. Затем я ему сам это подтвердил. Я находился с БЕРМАНОМ в хороших товарищеских отношениях.

В последующем МИРОНОВ и БЕРМАН, не стесняясь моим присутствием, вели разговоры о своей заговорщической деятельности, видя во мне сообщника.

В течение 1936 года таких бесед было несколько.

МИРОНОВ и БЕРМАН рассказывали как они намеренно скрывают группы троцкистов и правых в ходе следствия по делам, которое каждый из них вел по поручениям ЯГОДЫ ("характер и об"ем следствия зависит от того, кто именно ведет следствие" - слова МИРОНОВА).

Вспоминаю, что БЕРМАН в столовой НКВД передал сначала мне одному, а затем подошедшему МИРОНОВУ о замазывании им дела ТЕР-ВАГАНЯНА (середина 1936 года).

Этот тот самый ТЕР-ВАГАНЯН, который был привлечен к судебной ответственности по союзному процессу МРАЧКОВСКОГО, Н.И. СМИРНОВА и друг.

БЕРМАН сказал о ТЕР-ВАГАНЯНЕ в следующих выражениях:

"я решил, чтобы ТЕР-ВАГАНЯН у меня вовсе не сознался".

Ему это намерение удалось осуществить. Показания о своей к.р. деятельности ТЕР-ВАГАНЯН дал другому следователю, скрыв от последнего свое соглашение с БЕРМАНОМ.

В ответ на это сообщение МИРОНОВ сообщил БЕРМАНУ Б.Д. о замазывании им дела Л.Б.КАМЕНЕВА, которое он вел по персональному поручению ЯГОДЫ Г.Г.

Речь шла о троцкистских группах за границей, с которыми имел связи КАМЕНЕВ Л.Б. и которые МИРОНОВ "уклонялся" выявить.

В другом случае БЕРМАН рассказывал МИРОНОВУ и мне (в кабинет МИРОНОВА, апрель-май 1936 г.) о том, что он смазывает дело профессора ЧЛЕНОВА, которого он лично допрашивал, не желая, чтобы ЧЛЕНОВ рассказал на допросе о своей посреднической роли между французскими троцкистами и КАМЕНЕВЫМ.

В июле 1936 г. у себя в кабинете, на службе, МИРОНОВ сообщил мне примерно в следующих выражениях ряд фактов из контр-революционной деятельности БЕРМАНА. Основное из того, что он сказал, я передаю достаточно точно.

"Обратили ли вы, - сказал он мне, - внимание на то, что Иностраннный отдел НКВД СССР не ведет никакой работы по вскрытию работы немцев на территории СССР под прикрытием германских торговых фирм".

Он назвал при этом фирмы: "Сименс-Шуккерт" и "АЕГ" - обе электротехническое.

"Мне даже пришлось, - сказал МИРОНОВ, - официально поставить перед иностранным отделом вопрос о необходимости создать за кордоном в центральных аппаратах указанных фирм свою агентуру с тем, чтобы она информировала о посылках германских разведчиков в СССР под видом монтеров и инженеров".

Это был маневр со стороны МИРОНОВА, который он вынужден был проделать, чтобы аппарат Экономотдела знал, что он требует работу от Иностранного отдела.

Причиной такого бездействия Иностранного отдела являлось то, что БЕРМАН Б.Д. издавна связан с немцами и выполняет их задания.

Связь эту он установил в период, когда был в Германии, выполняя функции резидента НКВД.

Эта информация МИРОНОВА открыла мне глаза на многое.

Действительно, Иностранный отдел в отношении выявления работы германской разведки в СССР под прикрытием инофирм в особенности германских, буквально ничего не делал.

В эту же беседу, я узнал от МИРОНОВА некоторые детали из контр-революционной деятельности БЕРМАНА, как резидента НКВД в Берлине.

МИРОНОВ сообщил мне, что от БЕРМАНА из Берлина в центральный аппарат НКВД СССР регулярно поступала обширная почта, создававшая видимость значительной работы, осуществляемой Берлинской резидентурой.

Материал состоял в своей огромной части из так называемых данных о ценах, коммерческих условиях, составляющих якобы предел уступок германским фирм при переговорах с советскими организациями по поводу продажи товаров.

Эти данные Иностранный отдел НКВД продавал Наркомвнешторгу и его организациям.

Этот материал далеко и далеко не всегда помогал Наркомвнешторгу, так как многие данные берлинская резидентура составляла потолочно. БЕРМАН с потолка проставлял в них цены и

и условия, сознательно обманывая Наркомвнешторг.

Таким путем БЕРМАН вуалировал отсутствие разведывательной и контр-разведывательной работы в берлинской резидентуре, сочетавшееся с организованным обманом хозяйственников.

Далее, МИРОНОВ передал мне, что БЕРМАН производил много шума вокруг работы по так называемой технической разведке, т.е. работы по выяснению у германских фирм технических новинок.

Здесь также имела место продажа хозорганам явно фальсифицированного материала, простая обработка газетных и иных официальных источников, когда давно известные технические материалы выдавались БЕРМАНОМ за новейшие, якобы, составляющие строго охраняемый секрет фирмы, а хозорганы за все это платили значительные суммы.

Нередко производился нажим на хозорганы, если их руководители отказывались платить деньги за вещи, уже им известные.

В системах Наркомвнешторга и Наркомтяжпрома существовали специально созданные денежные фонды из иностранной и советской валюты, из которых производилась оплата "материалов" Иностранного отдела НКВД СССР.

В сентябре 1936 года я имел разговор с БЕРМАНОМ (в его кабинете) по поводу задания Экономотдела, адресованного в Иностранный отдел и связанного с выяснением одного лица в Германии. БЕРМАН сказал мне: "я ничего не сделал и не сделаю".

Тут же в интимной беседе он подтвердил то, что я уже знал от МИРОНОВА; он сказал, примерно, следующее:

"Я имею связи с немцами, — сказал он, — они настойчиво требуют от меня работы".

"Ты думаешь, что нарекания отдельных работников Экономотдела на то, что Иностранный отдел не выявляет работы немцев в СССР — неверны? Нет, они справедливы. Ты теперь все знаешь и поэтому ничему не удивляйся".

В дальнейшем разговоре БЕРМАН сообщил мне, что в Берлине он был связан с фирмами "Сименс-Шуккерт" и "АЕГ", за спиной которых стояла германская военная разведка.

БЕРМАН подтвердил, что свое бездействие по контр-разведывательной и разведывательной работе в Берлине, он вуалировал показной активностью по так называемым коммерческой и технической разведкам.

БЕРМАН был в хорошем расположении духа и многословен.

Он рассказал об обстоятельствах его вербовки немцами; в тот период он уже поддерживал связи с МИРОНОВЫМ по линии заговора (1932г.).

Это его прямо подготовило к тому, что произошло в Берлине.

Это было в 1932 году.

БЕРМАН имел неосторожность лично явиться на встречу с одним лицом, выдававшим себя за ответственного сотрудника электротехнических фирм "АЕГ" и "Сименс-Шуккерт" и предложившим агентуре НКВД, по его заявлению, ценные материалы по коммерческой и технической разведкам.

Встреча состоялась в общественном месте и закончилась для БЕРМАНА неожиданно: указанное лицо оказалось агентом

германской военной разведки, а принесенные им с собой материалы дезинформационными данными по германской армии.

БЕРМАН был задержан властями — провокация была очень ловко организована немцами.

БЕРМАНУ угрожали большие неприятности. Офицер военной разведки предложил БЕРМАНУ дать согласие сотрудничать с разведкой, обещая этим исчерпать весь инцидент.

БЕРМАН на это согласие дал.

БЕРМАН мне сказал, что если бы не указанный случай, приведший его к связи с немцами, — он бы сам нашел возможности для вступления в связь с германской разведкой.

На связь с немцами он пошел в результате зрелого обдумывания и она целиком соответствовала его собственным желаниям.

Немцы потребовали от БЕРМАНА, чтобы он назвал им состав нелегального аппарата НКВД в Берлине и в других городах Германии; затем передал им списки агентуры, которую использовала берлинская резидентура.

БЕРМАН удовлетворил все требования немцев.

БЕРМАНА беспокоил вопрос о том, что немцы произведут немедленные аресты по переданным им спискам и тем самым могут зародить подозрения у аппарата НКВД СССР, что произошедший провал есть результат действий центрального провокатора, сидящего в берлинской резидентуре.

В действительности немцы так не поступили, рассчитав, что им крайне важно сохранить такого ценного человека, как БЕРМАН, и взяв под свой контроль деятельность аппарата резидентуры и его агентурную сеть.

Более того, немцы не препятствовали БЕРМАНУ производить дальнейшие вербовки на территории Германии, при условии безусловного контроля за этой работой с их стороны.

Нередко БЕРМАН получал от немцев дезинформационный материал, который он выдавал как добытый из проверенных источников и потому вполне доброкачественный.

Из всего рассказа БЕРМАНА у меня осталось твердое впечатление, что он сделался послушным орудием в руках немцев, являвшихся полными хозяевами в центральной резидентуре НКВД в Германии.

Вспоминаю рассказанный им случай провала в Гамбурге, когда германские власти решили арестовать одного из агентов резидентуры, отнюдь не трогая лиц, с ним связанных.

С десятками предупреждений о строгом сохранении тайны, БЕРМАН сообщил мне о специальном поручении, данном ему немцами.

Спустя некоторое время после установления БЕРМАНОМ связи с немцами, последние потребовали от него организовать переброску в СССР пяти сотрудников военной разведки.

Речь шла о том, чтобы БЕРМАН обеспечил для этих лиц получение виз на право въезда в СССР, далее помог им в устройстве на работу, в переходе из германского подданства в советское с тем, чтобы таким путем они полностью акклиматизировались

Немцы хотели возможно глубже законспирировать своих людей и этим об"ясняются их указания, полученные БЕРМАНОМ о том, как должна быть проведена переброска.

Из пяти указанных лиц, двух он должен был устроить в Москве; одного в Ленинграде, причем непременно в управлении пароходства; одного в Киеве в издательском деле, а последнего пятого в Саратове на одном из заводов.

Немцы сообщили БЕРМАНУ, что перебрасываемые лица усиленно изучают русский язык и делают в учебе определенные успехи. Об одном из них ему было сказано, что он офицер Рейхсвера и подлежит устройству в Ленинграде.

Наконец, разведка рекомендовала БЕРМАНУ выдать всех перебрасываемых за политических эмигрантов, спасающихся от преследований полиции и секретных сотрудников резидентуры, работа которых на НКВД сделалась известной полиции, вследствие чего они вынуждены бежать и искать убежища в СССР.

БЕРМАН закончил свой рассказ заявлением, что переброску он осуществил и что, по его мнению, эту операцию он проделал в достаточной мере искусно, не вызвав никаких подозрений у аппарата НКВД СССР.

БЕРМАН рассказал мне о заговорщиках-сотрудниках НКВД с ним непосредственно связанных.

Он назвал мне следующих лиц:

КРОПОТОВ - он помощник начальника иностранного отдела НКВД СССР.

О том, что КРОПОТОВ - заговорщик, я знал еще от МИРОНОВА, который и привлек его к к-р работе.

КРОПОТОВ - старейший работник экономорганов и воспитанник МИРОНОВА.

МИРОНОВ помог ему восстановиться в партии, когда КРОПОТОВА исключила парторганизация.

КРОПOTOBA МИРОНОВ передал БЕРМАНУ на связь, устроив ему переход на работу в Иностранный отдел из Экономотдела.

Знаю от БЕРМАНА, что КРОПОТОВ активный участник к-р работы БЕРМАНА по, так называемым, коммерческой и технической разведкам: он широко использовывал официальные данные выдавая их за секреты фирм и всякими жульническими приемами добивался у хозорганов оплаты той информации по ценам и новинкам, которые он навязывал им.

КРОПОТОВ - немецкий шпион. Помогал БЕРМАНУ в организации перебросок немецкой агентуры (см. выше) в СССР.

ГУТЦАЙТ - ответственный работник Иностранного отдела. Он старейший работник Экономотдела и воспитанник МИРОНОВА, который уделял ему много времени, приблизив его к себе в быту.

ГУТЦАЙТА в состав заговора привлек лично МИРОНОВ.

МИРОНОВ рассказывал, что ГУТЦАЙТ носиться с мыслью отказаться от возвращения в СССР, присвоив деньги из сумм ИНО НКВД.

Все плоды "разведывательной работы" ГУТЦАЙТА за кордоном - это искусно организованное очковитительство.

Работу ГУТЦАЙТА по своим к-р заданиям МИРОНОВ тщательно конспирировал от других участников к-р организации. Одновременно он выполнял к-р поручения БЕРМАНА, содержание которых мне неизвестно.

ГЕПШТЕЙН - он нач. КРО Белоруссии. БЕРМАН добился через отдел кадров НКВД СССР назначения ГЕПШТЕЙНА в НКВД БССР и жаловался мне на то, что ГЕПШТЕЙНА Москва не хочет утверждать постоянным нач. КРО, сделав его только временно исполняющим эту должность.

Причина то, что отец ГЕПШТЕЙНА - в прошлом крупный деятель кадетской партии где то на юге России.

Какую именно к-р работу проводил ГЕПШТЕЙН по заданиям БЕРМАНА я не знаю.

В октябре 1936 года я уехал на Урал, получив назначение начальника Управления НКВД по Свердловской области - моя первая самостоятельная работа.

Перед от'ездом я говорил с МИРОНОВЫМ по поводу того, как себя вести в той сложной обстановке, которая создалась на Урале, в связи со снятием РЕШЕТОВА, б.нач.УНКВД с мотивировкой - за провал оперативной работы.

МИРОНОВ предложил мне продолжать линию РЕШЕТОВА.

В декабре 1936 года я был в командировке в Москве, приехав из Свердловска. Я видел МИРОНОВА.

Он расценивал общую обстановку в НКВД, как чреватую серьезными опасностями.

Уход ЯГОДЫ из НКВД он рассматривал как показатель того, что ЦК ВКП(б) непосредственно занялся делами НКВД и как фактор, который неминуемо приведет к разоблачению заговора в НКВД СССР.

Далее он сказал, примерно, следующее:

"Правда, сегодня еще нет прямых признаков наступления этого провала, но нужна крайняя осторожность".

"Я уже говорил с БЕРМАНОМ,- предложил МИРОНОВ, теперь хочу вам сказать: надо быть готовым к худшему, что провал произойдет, что "мы" не уцелеем". Под словом "мы" он подразумевал себя, ЯГОДЫ, ПРОКОФЬЕВА и других участников заговора, составлявших его штаб.

"Тогда БЕРМАНУ, ЛЮШКОВУ, вам, ЛЕПЛЕВСКОМУ придется

на себя взять продолжение нашей работы".

В дальнейшем события развивались так, что оправдались наши худшие предположения.

Последовали аресты ВОЛОВИЧА, ЯГОДЫ, ПРОКОФЬЕВА и других участников заговора.

В апреле или мае 1937 года был арестован МИРОНОВ.

Стали ползти слухи, что арестованные участники заговора дают показания о своей контр-революционной деятельности и что МИРОНОВ признался.

Я долгое время находился в состоянии страха, буквально ожидая со дня на день своего ареста.

Вскоре я приехал в Москву, в командировку, встретил А.М.МИНАЕВА, которого я знал, как заговорщика, будучи с ним непосредственно связанным.

МИНАЕВА я знаю с 1927 года, а если не с еще более раннего периода.

Находился с ним в хороших товарищеских отношениях. В 1927 году МИНАЕВ был начальником 2-го отделения бывшего Экономического отдела НКВД СССР, а я был его помощником, по этому же отделению.

МИНАЕВ старый работник экономических органов.

До 1933 года с небольшим перерывом он работал в Экономотделе НКВД СССР под начальством МИРОНОВА. Был весьма близок к МИРОНОВУ, который дал "большой бой", но безрезультатный, когда МИНАЕВА в 1933 году назначили зам.начальника УНКВД по Уралу, в Свердловск, где МИНАЕВ работал с заговорщиком РЕШЕТОВЫМ.

МИНАЕВ, с его слов, был в большой тревоге, когда

УНКВД Свердловска, в 1937 году начало дело известного троцкиста ТУРОК (прошел по процессу ПЯТАКОВА).

Дело в том, что МИНАЕВ в 1933 году, работая в Свердловске, имел показания о том, что ТУРОК - троцкист и ведет подрывную работу на транспорте. Он заявил следователю ВАРЬЯШУ, что показания на ТУРОК фантастичны, и что дело подлежит прекращению, и предложил сдать его в архив, что ВАРЬЯШ и выполнил.

Поступил так МИНАЕВ по указанию КАБАКОВА, с которым он был близок.

Этот ВАРЬЯШ ныне работает начальником 3-го отдела Ивдельского концлагеря Свердловской области и несомненно подтвердит все то, что я показываю по делу ТУРОК.

МИНАЕВ говорил мне, что будучи в Челябинске начальником УНКВД, он замзал разоблачение, кажется, в 1934 или в 1935 г.г. известного троцкиста начальника Южно-Уральской ж.д. КНЯЗЕВА, в связи с так называемым шумилихинским крушением, стоившим жизни 50 красноармейцам. КНЯЗЕВ организовал это крушение.

МИНАЕВ говорил мне, что с КНЯЗЕВЫМ у него были отношения, построенные на контр-революционной связи и поэтому он не мог его выдать.

МИНАЕВ - старый кадровый эсер.

Я разговаривал с МИНАЕВЫМ - он жаловался на тревожное время, указывая на непрерывно идущие аресты заговорщиков НКВД. Его подлинные выражения: "сиджу на вулкане", "спишь и думаешь, не стучат ли в двери" - он намекал на приход из НКВД с арестом. Говорил, что его нервозность переда-

ется жене. Местами у него проскальзывало недовольство, что он работает в центральном аппарате НКВД: "больше на виду, и больше тревог".

В июле 1937 года было совещание всех начальников УНКВД. Я позвонил МИНАЕВУ по телефону, рассказал, что есть телеграмма о совещании. Просил подтвердить, верно ли, что созывается совещание. МИНАЕВ подтвердил. Я поехал в Москву, опять видел МИНАЕВА. Имел с ним в его кабинете длительную беседу наедине. Обстановку он охарактеризовал в очень мрачных красках. Его собственные настроения были явно неважными.

Он строил догадки насчет того, выдал ли его МИРОНОВ, но никак не мог придти к сколько нибудь определенному выводу. МИРОНОВ допрашивался в Ленинграде - ЗАКОВСКИМ.

Вскоре, работавший вместе с ним в качестве заместителя ДАВЫДОВ А.Д. получил назначение в какой то лагерь на должность зам.начальника лагеря. Было ясно, что за этим назначением ДАВЫДОВА кроется определенное недоверие к его персоне. Ни на иоту не успокоило ни МИНАЕВА, ни ДАВЫДОВА звание, полученное ДАВЫДОВЫМ перед от'ездом (звание комдива).

МИНАЕВ говорил, что ему приходится заниматься в КРО, выкорчевыванием корней мироновщины и что у него это проходит с большим скрипом.

Сетовал на повышенную подозрительность со стороны сотрудников НКВД, в связи с разоблачением правого заговора в НКВД.

Я имел встречу с БЕРМАНОМ Б.Д. Он в то время был уже

наркомом Внутренних дел БССР.

Затем я имел встречи с ЛЮШКОВЫМ Г.С. и ЛЕПЛЕВСКИМ И.М.

Встреча с БЕРМАНом Б.Д. у меня состоялась в здании НКВД СССР.

БЕРМАН поставил передо мною вопрос о необходимости развертывания контр-революционной деятельности, напомнив мне слова МИРОНОВА, сказанные мне в декабре 1936 года (о возможности провала).

БЕРМАН обратил мое внимание на то, что обстановка, сложившаяся к июлю 1937 года в корне отличается от обстановки первой половины 1937 г. Дело в том, что весь период с момента прихода Н.И.ЕЖОВА в НКВД СССР (октябрь 1936г.) до июля 1937г. был периодом, когда заговорщики временно прекратили какую либо активность, опасаясь расширения начавшегося разгрома. На этот период приходится большое количество арестов заговорщиков.

Между тем к середине 1937г. положение ЛЕПЛЕВСКОГО, ЛЮШКОВА, МИНАЕВА и др. как нам казалось, заметно упрочилось что нашло свое выражение в награждении их орденами Ленина.

Этими соображениями БЕРМАН мотивировал необходимость приступить к активизации нашей к-р деятельности. Далее, он высказал следующую мысль:

"Сейчас имеется состояние разброда среди тех участников заговора, которых не затронули аресты, нам нужно заняться их об'единением.

Я уже говорил по этому вопросу с ЛЮШКОВЫМ и ЛЕПЛЕВСКИМ, они придерживаются такого же мнения".

"Я считаю,- продолжал БЕРМАН,- что нам всем необхо-

димо глубоко уйти в подполье, интенсивно работать над приобретением доверия со стороны Н.И.ЕЖОВА.

Что касается нашей деятельности, то я вижу ее основное направление в том, чтобы ограждать от разоблачений наиболее законспирированные группы подполья. Очевидно, что именно эти группы являются наиболее опасными для власти и наиболее действенными".

Я одобрительно отнесся к словам БЕРМАНА, заявив, что в последующем поступлю в соответствии с этим разговором.

Моя беседа с ЛЮШКОВЫМ состоялась или в тот же день, или на следующий.

ЛЮШКОВ спросил у меня: видал ли я БЕРМАНА и имел ли-я с ним разговор о заговорщической деятельности.

Я ответил утвердительно. ЛЮШКОВ стал развивать те же соображения, что и БЕРМАН.

ЛЮШКОВ рассказал мне, что ЛЕПЛЕВСКИЙ, поехав на Украину, очень шумел по поводу выкорчевки людей БАЛИЦКОГО. Он арестовал ряд руководящих сотрудников украинского НКВД, обвиняя их в том, что они вели контр-революционную деятельность по заданиям БАЛИЦКОГО, и в то же время законспирировал ряд заговорщиков, которые должны были действовать по его заданию.

Борьбу с правыми ЛЕПЛЕВСКИЙ вел таким образом, что головку организации всячески охранял от разоблачения.

Речь в данном случае шла о КОСИОРЕ С.В. Последний, по словам ЛЮШКОВА, фактически командовал в оперативной работе НКВД Украины.

Эта беседа укрепила меня в уверенности, что ЛЮШКОВ был не только информированным человеком в делах ЛЕПЛЕВСКО-

ГО, но и являлся у него консультантом по украинским делам: ЛЮШКОВ долгое время работал на Украине и знал тамошние кадры и обстановку.

Я обратил внимание на слова ЛЮШКОВА по поводу роли секретаря ЛЕПЛЕВСКОГО - ИНСАРОВА.

Этот ИНСАРОВ знал в деталях контр-революционные дела ЛЕПЛЕВСКОГО и был его наиболее доверенным лицом.

Я также видел самого ЛЕПЛЕВСКОГО.

Равным образом, как БЕРМАН и ЛЮШКОВ, он стоял за развертывание контр-революционной работы, соглашаясь с теми направлениями в заговорщической деятельности, которые формулировал БЕРМАН. Одновременно ЛЕПЛЕВСКИЙ расшифровывал передо мною свои отношения с БАЛИЦКИМ.

Одно время у меня было впечатление, что БАЛИЦКИЙ и ЛЕПЛЕВСКИЙ вели друг с другом войну и были личными врагами. ЛЕПЛЕВСКИЙ сообщил, что все это являлось лишь видимостью и что в действительности он и БАЛИЦКИЙ входили в одно контр-революционное подполье, возглавляемое КОСИОРОМ, являвшимся одним из наиболее законспирированных правых на Украине.

Таким образом, ко второй половине 1937 года сформировалась руководящая группа заговорщиков НКВД в составе БЕРМАНА Б.Д., ЛЮШКОВА Г.С., ЛЕПЛЕВСКОГО И.М. и ДМИТРИЕВА Д.М.

Отличительной чертой руководящей группы было то, что она в своем большинстве состояла, за исключением ЛЕПЛЕВСКОГО, из так называемого второго поколения работников НКВД, лишь недавно начавших вести самостоятельную чекистскую работу. Она не имела того авторитета и тех связей, которыми распо-

лагала руководящая группа во главе с ЯГОДОЙ, но в то же время опираясь на кадры заговорщиков, исполняющих ответственную работу в НКВД СССР.

Мы знали, что к моменту возникновения группы на свободе оставался ряд заговорщиков, по поводу которых мы имели все основания считать, что они не провалены.

Мы все считали, что прежде всего нам необходимо установить с ними непосредственные связи. Это:

1. ФЕЛЬДМАН В.Д. -особоуполномоченный НКВД СССР.
2. ДАВЫДОВ - зам.нач.отдела НКВД СССР.
3. РАДЗИВИЛОВСКИЙ -начальник Управления НКВД.
4. АГАС - зам.начальника отдела.
5. МИНАЕВ - начальник отдела НКВД СССР.
6. БАЛАЯН - зам.нач.отдела кадров НКВД СССР.
7. УШАКОВ - пом.нач.отдела НКВД СССР.
8. ГЕНДИН - зам.нач.отдела НКВД СССР.
9. ДЕНОТКИН - пом.нач.отдела
10. ИЛЬИЦКИЙ - пом.нач.отдела.
11. ПАССОВ - зам.нач.отдела НКВД СССР.

О том, что ФЕЛЬДМАН В.Д. и ДАВЫДОВ А.Д. являются заговорщиками, я знал от МИРОНОВА Л.Г., ЛЕПЛЕВСКОГО И.М. и БЕРМАНА Б.Д.

О принадлежности РАДЗИВИЛОВСКОГО и АГАСА к заговору, мне рассказал ЛЮШКОВ, который их близко знал. В отношении АГАСА также ЛЕПЛЕВСКИЙ.

О БАЛАЯНЕ я знал со слов ГАЯ и БЕРМАНА Б.Д.

С МИНАЕВЫМ я был непосредственно связан.

Об участии в заговоре ДЕНОТКИНА и ИЛЬИЦКОГО мне передавал и МИРОНОВ и МИНАЕВ.

О том, что УШАКОВ заговорщик мне рассказал ЛЕПЛЕВСКИЙ. Об участии в заговоре ГЕНДИНА и ПАССОВА я знаю со слов ГАЯ, БЕРМАНА Б.Д. и от самого ПАССОВА (о том, что сам ПАССОВ участник заговора).

ФЕЛЬДМАН В.Д. является старейшим заговорщиком в НКВД СССР, он был привлечен к контр-революционной работе лично ЯГОДОЙ.

О ДАВЫДОВЕ я писал выше, его привлек к контр-революционной работе МИРОНОВ Л.Г.

РАДЗИВИЛОВСКИЙ и АГАС являются прямыми воспитанниками привлеченными к заговору, АГРАНОВЫМ.

АГРАНОВ все время "тянул" РАДЗИВИЛОВСКОГО по служебной лестнице. Когда АГРАНОВ стал полномочным представителем ОГПУ по Московской области, он сразу сделал РАДЗИВИЛОВСКОГО, являющегося до этого помощником начальника отделения СПО центра и проявлявшего к тому времени сравнительно небольшие данные роста, - начальником секретно-политического отдела Московской области, а через некоторое время помощником начальника УНКВД, а затем зам. начальника УНКВД Московской области - должность, которой РАДЗИВИЛОВСКИЙ в то время явно не соответствовало (в последующем он несомненно вырос).

АГАС ряд лет являлся преданнейшим личным секретарем АГРАНОВА, его душеприказчиком.

За сравнительно короткое время до разоблачения АГРАНОВА, последний устраивает АГАСА в качестве зам. начальника Особого отдела НКВД СССР, т.е. заместителем заговорщика ЛЕПЛЕВСКОГО, с которым АГАС поддерживал к-р связи.

БАЛАЯН является приближенным человеком Г.Е.ПРОКОФЬЕ-

ВА с которым он ряд лет был в близкой внеслужебной связи, систематически бывая у него на дому. Он старый работник Экономотдела. В состав заговора он был привлечен непосредственно ПРОКОФЬЕВЫМ. БАЛЯН был в очень близкой связи с СЕМУШКИНЫМ, бывш. секретарем ОРДЖОНИКИДЗЕ, активным участником правого подполья.

ДЕНОТКИН - он был привлечен к контр-революционной работе непосредственно МИРОНОВЫМ. Когда МИРОНОВ был назначен ПП ОГПУ Средней Азии, он взял с собой в Среднюю Азию ДЕНОТКИНА на должность начальника отдела, затем "вытащил его в центральный аппарат НКВД СССР (1936-1937 г.)"

ДЕНОТКИН лично был весьма близок к МИРОНОВУ. ДЕНОТКИН провел большую подрывную работу в оперативной работе по хлопководству в Средней Азии.

ИЛЪБИЦКИЙ. МИРОНОВ с ним познакомился в период своей работы в Средней Азии, когда и привлек его к контр-революционной работе. Это его в буквальном смысле слова верный человек. Он его постоянно привлекал к совместному ведению щекотливых дел по троцкистам, зиновьевцам, в качестве следователя.

О ГЕНДИНЕ и АЛССОВЕ и об обстоятельствах их привлечения к контр-революционной деятельности я показал выше, там где речь шла о поездке ГАЯ в Берлин.

Теперь об УШАКОВЕ.

УШАКОВА к контр-революционной работе привлек лично ЛЕПЛЕВСКИЙ, связанный с ним в течение многих лет. Это верный оруженосец ЛЕПЛЕВСКОГО, который обычно расточал в самых ярких выражениях похвалу по адресу УШАКОВА.

Я не помню был ли ЛЕПЛЕВСКИЙ связан с УШАКОВЫМ в период их работы на Украине, но когда ЛЕПЛЕВСКИЙ стал начальником УНКВД Саратовского края, УШАКОВ уже был заговорщиком.

ЛЕПЛЕВСКИЙ перезжает в Белоруссию, сделавшись Наркомом БССР, он берет с собой УШАКОВА.

ЛЕПЛЕВСКИЙ назначается начальником Особого отдела НКВД СССР.

ЛЕПЛЕВСКИЙ "тянет" с собой УШАКОВА.

Получив назначение наркома внутренних дел Украины ЛЕПЛЕВСКИЙ колебался взять ли с собой УШАКОВА, ибо не хотел в новой обостренной обстановке (речь шла уже о 1937 годе), подчеркивать тесный характер своих взаимоотношений с УШАКОВЫМ.

В результате, посоветовавшись с последним, он решил его не брать с собою и УШАКОВ остался работать в центральном аппарате НКВД СССР, тогда когда ЛЕПЛЕВСКИЙ поехал в Киев.

ЛЕПЛЕВСКИЙ мне рассказал, что он совместно с УШАКОВЫМ размазал разоблачение большого количества очагов немецкой работы в Саратовском крае, на предприятиях Саратова и среди немцев Поволжья. Конкретно он говорил о "работе" по Саратовскому комбайновому заводу.

Помимо перечисленной выше группы заговорщиков, каждый из нас, участников руководящей группы был связан с заговорщиками, являвшимися нашими непосредственными сотрудниками.

БЕРМАН, как я писал выше, был в непосредственной к-р

связи с КРОПОТОВЫМ - пом.нач.ИНО, затем с ГУТЦАЙТ - работник ИНО, ГЕПШТЕЙН - начальник КРО Белоруссии.

ЛЮШКОВ был связан к-р связью с КАГАНом - своим заместителем.

ЛЕПЛЕВСКИЙ находился в к-р связи с ИВАНОВЫМ, АГРАНОВЫМ - НКВД УССР.

Я - ДМИТРИЕВ с ДАШЕВСКИМ, являвшимся моим фактическим заместителем по УНКВД Свердловской области (после ухода ЧИСТОВА, моего прежнего заместителя).

Вот в каком виде представлялась к январю 1938 года расстановка сил, которыми располагали заговорщики в НКВД.

В январе 1938 года, когда я был в командировке в Москве, я встретился с БЕРМАНом, ЛЕПЛЕВСКИМ, ЛЮШКОВЫМ. В беседах, состоявшихся между нами, мы по разным поводам возвращались к вопросу о том, какие у нас могут быть резервы в составе аппарата НКВД.

Речь шла о сотрудниках НКВД, о которых мы не знали, что они заговорщики, но на которых мы могли рассчитывать, что они вступили бы на путь заговорщической деятельности.

ЛЮШКОВ назвал ГУЛЬКО, сказав, что по его сведениям он был близок к ЯГОДЕ и к ПАУКЕРУ, что ЯГОДА систематически одаривал ГУЛЬКО различными ценными подарками под предлогом проявленного им "служебного рвения".

Я со своей стороны подтвердил, что слышал от МИРОНОВА, примерно такую же характеристику ГУЛЬКО и что думаю, что она соответствует действительности.

БЕРМАН назвал НИКОЛЬСКОГО - ответ. работника ИНО, характеризовал его в следующих выражениях: "НИКОЛЬСКИЙ че-

ловек с резко выраженными авантюристическими наклонностями, беспринципный: "может поклоняться любому богу".

Это означало, что он может пойти на связь с нами. Наконец, БЕРМАН указал, что ему известны факты глубокого бытового и морального разложения НИКОЛЬСКОГО.

НИКОЛЬСКИЙ бывш. работник Экономорганов. Вспоминаю, что на НИКОЛЬСКОГО имеется показание б.сотрудника ИНО НКВД СССР КОРНЕЛЯ, в котором он показывает, что находился в к-р связи с НИКОЛЬСКИМ. В момент разговора с БЕРМАНОМ мне это не было известно.

Я назвал ВОЛЫНСКОГО, ныне зам.нач.КРО НКВД СССР.

Я знал о крупных провалах в его работе по немцам. Был уверен, что ГАЙ, являясь немецким агентом и имея поручения от немцев не допускать контр-разведывательной работы НКВД СССР против их разведки, должен был в своей преступной деятельности, в какой то форме опираться на человека, который ведал всей работой против немцев, и без которого он ничего не мог сделать.

С другой стороны от МИРОНОВА я услышал, что ВОЛЫНСКИЙ одно время вместе со своими родителями пытался бежать нелегальным путем за границу, но вся семья была задержана пограничниками при попытке перехода по ту сторону кордона.

МИРОНОВ, сделавшись начальником КРО НКВД СССР и приняв во вновь организованный аппарат ВОЛЫНСКОГО, очень похвально отзывался о нем, как о работнике о человеке. Обычно МИРОНОВ такие похвалы расточал лишь преданным себе лицам. Поэтому характеристику МИРОНОВА я принял как аттестат последнему, во всяком случае на верность МИРОНОВУ.

БЕРМАН спросил меня, что из себя представляет А.А. НАСЕДКИН, которого я знал более чем БЕРМАН, ЛЕПЛЕВСКИЙ и ЛЮШКОВ. Я сказал, что я лично в 1927 году принимал НАСЕДКИНА на работу в НКВД СССР - я тогда был пом.нач.отделения ЭКО и что с тех пор до 1937 года НАСЕДКИН все время работал в системе экономического отдела, а затем в системе КРО, т.е. по ведомству МИРОНОВА.

МИРОНОВ "тянул" НАСЕДКИНА по служебной линии. НАСЕДКИН подхалим и представляет из себя ярчайший образец угодника.

В 1935 году или в 1936 году, НАСЕДКИН написал книжку "История одной разработки", в которой рассказывал, как он вместе с МИРОНОВЫМ и со мною раскрывал деятельность одной к-р организации.

Концовка книги посвящена восхвалению МИРОНОВА и ДМИТРИЕВА, как талантливых работников НКВД.

Книга была преподана центральной школе НКВД СССР как пособие для занятий.

Кроме этого я знал, что очень близкое НАСЕДКИНУ лицо некий ГУСЕВ является контрреволюционером, что не препятствовало их дружбе (он арестован).

ЛЕПЛЕВСКИЙ благоприятно характеризовал ВЕЙНШТОКА Я.М. бессменного начальника отдела кадров НКВД СССР в течение последних 5-6 лет. ЛЕПЛЕВСКИЙ сказал, что ЯГОДА не держал бы в этой должности человека, в котором не был бы "уверен".

Он напомнил, что ВЕЙНШТОК одно время исключался из партии, был продолжительное время беспартийным и лишь с большими трудностями вновь восстановился.

Я сказал, что знаю об очень близких и тесных взаимо-

отношениях между МИРОНОВЫМ и ВЕЙНШТОКОМ, что МИРОНОВ нередко ездил в отпуск с ВЕЙНШТОКОМ, специально договариваясь с ним об этом. МИРОНОВ как то сказал мне по поводу ВЕЙНШТОКА "У ВЕЙНШТОКА вполне подходящие политические настроения". Это означало, что он подходящий человек с точки зрения заговора.

Мы коснулись Н.ВОЛКОВА, который работал в УНКВД Ленинграда с ЗАКОВСКИМ, с которым он также работал продолжительное время в Западной Сибири исполняя должность нач. Экономотдела, а затем помощника ЗАКОВСКОГО.

В последующем ВОЛКОВ был начальником 6 Отдела НКВД СССР (ныне он зам.Наркома путей сообщения). ВОЛКОВ был в очень близких отношениях с заговорщиками:ШАНИНЫМ, МИРОНОВЫМ Л.Г. Он старый работник экономических органов. Не то ШАНИН, не то сам ВОЛКОВ рассказал мне, что ШАНИН являясь начальником 6 Отдела НКВД СССР долгое время домогался, чтобы сделать его своим заместителем (ВОЛКОВ работал тогда в Ленинграде), но встречал при этом какие то препятствия служебного характера в НКВД СССР, которые затем отпали.

Мы доворили также о ГОРБАЧЕ, ныне начальнике УНКВД ДВК. ЛЮШКОВ сказал, что он знает, что ГОРБАЧ был в близких отношениях с РУДЬ - быв.начальником УНКВД Азово-Черноморского края, с которым он вместе долгое время работал.

Никаких последствий обсуждения этого списка перечисленных выше сотрудников, не имело.

Я хочу этим сказать, что мы не приняли никаких решений в отношении осуществления шагов к вовлечению их в состав заговора.

К этому вопросу мы несомненно вернулись бы в последующем. Здесь же я привожу все то, что мне известно о начальнике 3 Отдела НКВД СССР - НИКОЛАЕВ Н.Г., личность которого мы не затрагивали в наших обсуждениях (во всяком случае с моим участием) - у меня лично он тогда как-то выпал из памяти.

Зная, что НИКОЛАЕВ Н.Г. бывший офицер белой армии. Не помню кто мне передавал, что он служил в белой контрразведке. (Кто то из трех лиц: ГАЙ или ДОБРОДИЦКИЙ, или СМОЛЬСКИЙ). Происходите из буржуазной семьи.

Его родной брат - НИКОЛАЕВ - ЖУРИД - участник контрреволюционной организации троцкистов в Ростове н/Дону, где он занимал ответственную должность в Крайплане.

Весь период работы в Ростове н/Дону не менее семи лет - братья поддерживали между собою самые тесные повседневные связи.

НИКОЛАЕВ-ЖУРИД был весьма близок к ШЕБОЛДАЕВУ, входя в его ближайшее заговорщическое окружение.

В течение многих лет НИКОЛАЕВ Н.Г. работал совместно с РУДЬ, главой заговора УНКВД Ростов на Дону, связанным непосредственно с ШЕБОЛДАЕВЫМ и ЯГОДОЙ, по представлению РУДЯ и приказу ЯГОДЫ был заместителем РУДЬ (зам.нач. УНКВД).

К раскрытию многочисленной к-р организации троцкистов во главе с ШЕБОЛДАЕВЫМ, затем организации правых, большого числа шпионских, вредительских, диверсионных, террористических формирований - НИКОЛАЕВ Н.Г. равно как и РУДЬ, не имел никакого отношения, хотя как я показал выше он

работал в Ростове на Дону ряд лет.

Кстати ШЕБОЛДАЕВ и все огромное гнездо к-р формирования в б. Азово-Черноморском крае - были разоблачены после отъезда НИКОЛАЕВА Н.Г. из Ростова на Дону.

В течение двух лет НИКОЛАЕВ Н.Г. был заместителем начальника Особого отдела НКВД СССР, в ту пору, когда начальником Особого отдела являлся заговорщик ЛЕПЛЕВСКИЙ И.М. с которым он установил близкие и внеслужебные отношения (1931 год).

НИКОЛАЕВ Н.Г. специально ведал и возглавлял всю работу против белых, РОВС'а.

Его работа на этом участке была полным провалом.

Ни одного серьезного формирования РОВС'а, казачества он не вскрыл.

Даже намек нет в его деятельности тогда на то, что было вскрыто в последующем, когда была доказана широкая повстанческая деятельность агентуры РОВС'а, создававшей разветвленные повстанческие формирования на селе (в том числе казачьи), боевые террористические группы в городах.

В качестве иллюстрации достаточно только назвать к-р подполье повстанцев, вскрытое в 1937 г. в Сибири, Азово-Черноморье, на Урале, в Оренбургской области и во многих других районах страны.

Огромную роль в возникновении этого подполья играли многочисленные кадры офицерства белого и царского, по настоящему неразгромленного за период Соввласти вплоть до последнего времени. В этом немалая вина самого НИКОЛАЕВА Н.Г.

Все эти организации были заложены специально приезжавшими из-за кордона эмиссарами РОВС'а еще в 1930-1932 года, причем их приезды НИКОЛАЕВ Н.Г. не фиксировал, а к-р организации продолжали безмятежно вести свою к-р деятельность, имея в буквальном смысле слова исключительно благоприятные условия полной безнаказанности.

Тогда же НИКОЛАЕВ Н.Г. являлся в НКВД СССР одним из энергичных пропагандистов того взгляда, что эмигрантское белое движение уже умерло, выдохлось, не имеет никаких связей внутри страны, потому не представляет никакой опасности. Мне лично это высказывал НИКОЛАЕВ Н.Г.

Потому и РОВС - организация белых - обречена на полное бездействие, является лишь семрядщим трупом.

Вместе с БЕРМАНОМ Б.Д., НИКОЛАЕВ Н.Г. в ту пору утверждал, что НКВД располагает весьма ценной и проверенной агентурой внутри РОВС'а, среди белых, обеспечивающей выявление малейших попыток РОВС'а, что либо предпринять против СССР, что было явной ложью (Сравните с разделом о к-р деятельности ГАЯ, ПАССОВА).

Эта вредительская концепция целиком разделялась ЯГОДОЙ, АГРАНОВЫМ, ПРОКОФЬЕВЫМ, ГАЕМ, ЛЕПЛЕВСКИМ.

Особенно энергично ее отстаивали ГАЙ и ЛЕПЛЕВСКИЙ, находясь на посту начальников Особых отделов НКВД СССР (разновременно).

Далее считаю необходимым отметить крайнюю близость НИКОЛАЕВА Н.Г. к польскому шпиону СОСНОВСКОМУ. Затем, его нескрываемое подбострастие перед заговорщиком ДЕЙЧЕМ в бытность последнего нач.секретариата Н.И.ЕЖОВА, который

хорошо знал его более прошлое и на этом играл.

Находясь в кабинете ДЕЙЧА в ожидании приема у Наркома, я был много раз свидетелем того, как НИКОЛАЕВ прибежал к ДЕЙЧУ и докладывал ему оперативные дела, роняя при этом свое внутреннее достоинство. Это был буквально доклад по начальству, причем до того как НИКОЛАЕВ докладывал своим непосредственным руководителям.

Уверен, что допрос ДЕЙЧА о НИКОЛАЕВЕ Н.Г. мог бы значительно полнее выяснить его фазиномию.

ДЕЙЧ и НИКОЛАЕВ вместе работали в Ростове на Дону в течение многих лет (не менее 6-7 лет).

Начиная с 1934 года по 1937 год, НИКОЛАЕВ Н.Г. был заместителем ЗАКОВСКОГО Л.М. в Ленинградском упр. НКВД, не имея в работе ни самостоятельного политического лица, ни практической линии, отличной от линии ЗАКОВСКОГО, т.е. целиком шел вместе с ЗАКОВСКИМ.

В заместители ЗАКОВСКОМУ НИКОЛАЕВ Н.Г. был намечен непосредственно ЯГОДОЙ (слова МИРОНОВА).

НИКОЛАЕВ Н.Г. близко поддерживал заговорщика ШАПИРО, в его время он был нач. Особого отдела Ленинграда, заговорщика МОЛОЧНИКОВА, ставленника МИРОНОВА Л.Г. на посту нач. Экономического отдела и ряд других заговорщиков, действовавших в Ленинградском УНКВД.

НИКОЛАЕВ Н.Г. не имел никакого отношения к разоблачению ШАПИРО и др.

Получив назначение в 3 отдел НКВД СССР, НИКОЛАЕВ Н.Г. перетянул к себе в отдел группу северокавказских работников, с которыми он подолгу работал в Ростове на Дону

и которые на него прямо ориентировались.

К этой группе принадлежат: ЛИСТЕНГУРТ, его замести-
тель, НОВОБРАТСКИЙ - его помощник, ДЗИОВ - его помощник,
ПРОКОФЬЕВ - нач.отделения и ряд других.

ДЗИОВ был ГАЕМ выделен в бригаду оперативников, ко-
торой во главе с АГРАНОВЫМ было поручено расследование
убийства НИКОЛАЕВА.

ДЗИОВ в течение последних лет сидел на следствии
по троцкистам и правым, работая под непосредственным руко-
водством МОЛЧАНОВА.

У ДЗИОВА не признавались многие крупные арестован-
ные, о чем он мне лично рассказывал, ведя мое дело, как
арестованного.

Он назвал этих арестованных - это ЛЕНЦНЕР, бывш.уче-
ный секретарь Л.Д.ТРОЦКОГО, КАНТОР - весьма крупный терро-
рист (историк) и ряд других, фамилии которых я забыл.

Между прочим, ЛЕНЦНЕР так и был расстрелян непризнав-
шимся, унеся в могилу, по моему мнению, очень серьезные
вещи, а КАНТОР, по словам ДЗИОВА, признался другому следо-
вателю, а не ему.

От МИРОНОВА я знаю, что ЯГОДА и он сам очень похваль-
но отзывались о НИКОЛАЕВЕ Н.Г., называя его основным работ-
ником НКВД.

МИРОНОВ давал чувствовать, как самому НИКОЛАЕВУ Н.Г.
так и окружающим, что он хорошо к нему относится и требо-
вал такого же отношения к нему и с моей стороны.

Мое дело, как арестованного, вел 3 Отдел НКВД СССР

следователь ДЗИОВ под непосредственным руководством НИКОЛАЕВА Н.Г.

Несколько раз НИКОЛАЕВ Н.Г. приходил на мой допрос.

Я постоянно чувствовал при этих допросах, что НИКОЛАЕВ испытывает какую то боязнь передо мною.

Почти все его разговоры со мною, повторяю почти все это непрерывное самооправдание и стремление показать, что он вел борьбу с ЯГОДОЙ, МИРОНОВЫМ, др. заговорщиками и имел линию работы, отличную от их деятельности, хотя я ни разу на допросе не бросал ему каких либо упреков по этому вопросу.

Эта потребность самозащиты вытекала у НИКОЛАЕВА из уверенности, что я то наверняка знаю, что это сплошная ложь и выдумка.

НИКОЛАЕВ начинал разговор примерно следующими словами: "ЯГОДА видел во мне врага. Он меня называл евдокимовской б.... Он мне угрожал, что свернет шею. ЯГОДА распространял (?), что заместителем ЗАКОВСКОГО он меня предложил.

Между тем недавно мне сказал ВОРОШИЛОВ, что это было это предложение".

"МИРОНОВ меня ненавидел, добиваясь моей дискредитации. ГАЙ видел во мне человека с непримиримыми взглядами, хотя я и поддерживал с ним хорошие отношения, бывал у него на даче".

О ДЕЙЧЕ НИКОЛАЕВ Н.Г. говорил, что будучи нач. секретариатом Н.И.ЕЖОВА, ДЕЙЧ себя так поставил, что он НИКОЛАЕВ начальник ответственного отдела НКВД вынужден был, как он сам сказал, вытягиваться перед ним и чуть ли не

говорить чего изволите и т.д."

Эти разговоры обычно происходили в присутствии следователя ДЗИОВА. Один раз в присутствии другого следователя ПРОКОФЬЕВА. Я уверен, что они подтвердят эти мои слова.

Слушая эти речи НИКОЛАЕВА, я себя много раз спрашивал, к кому именно из присутствующих он адресует свои слова, ко мне или к его работникам?

Я считал, что он имеет в виду и меня, и следователей.

Мне он тем самым говорил: "если ты что либо знаешь, про меня, то лучше помалкивай, ибо я имею репутацию "добропорядочного" человека и тебе никто ни в одно твое слово не поверит" (Я должен сказать, что это соображение на меня долгое время действовало).

Работникам своим он тем самым говорил:

"Вы, конечно, не можете не знать, что я был ближайшим сотрудником ЯГОДЫ, ЗАКОВСКОГО, ЛИПЛЕВСКОГО, РУДЬ и других заговорщиков, что я был в самой гуще заговорщиков, не вел с ними никакой борьбы, не имел никакой отличной от них линии, по всему этому вы не должны верить, ибо в действительности все не так, ибо я вот такой и сякой...

ДЗИОВ по заданию НИКОЛАЕВА избивал меня, требуя от меня признания фактов, опровержение которых тут же находились в руках следователя. Причем какое опровержение? Опровержение исключительной достоверности и убедительности, ибо оно было документальным.

В последующем, когда НИКОЛАЕВ вместе со ДЗИОВЫМ познакомились с этим опровержением - а это была копия мое-

го письма на имя Н.И.ЕЖОВА от 20.П-1938г. и др.документы - они оба избивали меня, требуя, чтобы я отказался от признанных фактов, подтвердить которые они сами меня заставили.

Дело было в следующем: мне предложили подтвердить, что на Урале после ликвидации кабаковщины в 1937г. возник и действовал новый центр правых во главе со СТОЛЯР (б. первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б)). Мне были названы ДЗИОВЫМ фамилии лиц, вошедших в этот центр, с требованием, чтобы я подтвердил их, а именно помимо СТОЛЯРА, ПОБЕРЕЖСКИЙ (б. директор завода № 19 в Перми), ВЛАДИМИРОВ (б. директор Уралмашзавода), ГОЛОВИН (б. председатель Свердловского облисполкома), ИКОННИКОВ (б. зав. облЗУ в Свердловске), ДМИТРИЕВ (начальник УНКВД) и др. лица.

От меня потребовали, чтобы я дал в "крупном плане" (слова ДЗИОВА) показания о подрывной работе нового центра в хозяйстве области и показал как я защищал этот центр от провала, используя аппарат УНКВД Свердловска.

Я очень настойчиво доказывал, что обвинение меня в участии в указанном центре - сплошной вымысел, доказывал, что я главный виновник ареста СТОЛЯР, БЕРМАН (второй секретарь Свердловского обкома, правая рука СТОЛЯРА), ГРАЧЕВА (председателя Свердловского облисполкома - человек СТОЛЯРА)

На них дали показания пять близких к ним лиц, арестованных мною в Свердловске (ответственные работники - ЛЬВОВ, КИСЛЯКОВ, САМАРИН, БОРИСОВ, КУЧУМОВ), что я во все время пребывания СТОЛЯРА в Свердловске (около 9 месяцев)

непрерывно боролся с ним (на бюро обкома, пленумах обкома и т.д.). Ссылался на письмо, отобранное у меня при обыске, в котором я в феврале 1938г. писал Н.И.ЕЖОВУ, что **СТОЛЯР, БЕРМАН, ГРАЧЕВ** - контр-революционеры, приводил там факты моей борьбы с ними еще в октябре 1937 г., т.е. спустя 2 месяца после их приезда в Свердловск и т.д.

Я указал на то, что **ВЛАДИМИРОВ, ГОЛОВИН, ИКОННИКОВ** мною, а не кем либо другим, были арестованы и давно уже судом Верхсуда осуждены (какой же это центр, участник которого арестовывает своих единомышленников!), что о **ПОБЕРЕЖСКОМ** я также дважды ставил вопрос об аресте и что он был арестован НКВД СССР как на основе материалов центрального аппарата, так и на основе присланных мною показаний людей арестованных мною в Свердловске, в Перми и давших показания против **ПОБЕРЕЖСКОГО (ЦИФРИНОВИЧ)** - управляющий Союзкалия, **ПРЕМУДРОВ** - директор завода № 172 Молотово, **ПЕТРАШКО** - директор завода № 10, **ГАССЕЛЬНИК** - главный инженер завода № 19 и т.д.).

Я говорил - может ли быть более сильное доказательство вздорности обвинения меня в участии в правом центре издания 1937г. (?) в то время, когда я сам их разоблачал и разоблачил.

Но никакие мои усилия не помогли. Спустя десять дней после этого, на допрос явился **НИКОЛАЕВ** и меня избили, требуя, чтобы я отказался от показаний об Уральском центре правых. **НИКОЛАЕВ** при этом сказал примерно, следующее:

« "Вы же сами как я выяснил, ставили вопрос об аресте **СТОЛЯРА**. Как же вы были с ним в одном центре? Зачем вы врете (!!!!!)".

Буквально аналогичное положение было и в другом случае.

ДЗИОВ по поручению **НИКОЛАЕВА** требовал от меня признания, что я с контрреволюционной целью арестовывал кулаков по операции по агентуре иностранных разведок.

Да, по этой операции надо было арестовывать только антисоветский элемент из иностранных колоний, а вы арестовали и кулаков.

Мои доказательства, что обвинение неверно, что в этом легко убедиться, разобравшись в документах, что удар по операции пришелся в большой степени по иностранным колониям, что на арест кулаков сверх этого я имел отдельное распоряжение зам.наркома - комкора **ФРИНОВСКОГО**, я называл при этом время получения этого распоряжения - январь 1938 год, номер его я не помнил - все эти мои вопли о проверке обвинения по документам остались гласом вопиющим в пустыне. Я говорил: "вы от меня требуете назвать мои законные действия, основанные на распоряжении зам.наркома - контрреволюционными. Это же нелепость". Но не помогло.

Впоследствии мне всыпали за то почему я признал это обвинение.

Все эти шарахания следствия из стороны в сторону, эти стремления сотстороны **НИКОЛАЕВА** взвалить на меня побольше обвинений, независимо от их достоверности, соответствия действительности - я объяснял тем, что **НИКОЛАЕВ** ис-

пытывает страх передо мною и боясь какого либо направленного против него действия с моей стороны, просто перестал владеть своими нервами и старается всячески меня терроризировать.

Далее, лично НИКОЛАЕВ и его сотрудники подвергали меня систематическому избиению, добиваясь от меня отказа от показаний об участии в заговоре НКВД СССР группы работников НКВД, о которых я знал, что они заговорщики.

Я показал, что в заговор входили МИНАЕВ и известные мне со слов МИРОНОВА - МИНАЕВА, ДЕНОТКИН, ИЛЬИЦКИЙ, со слов ЛЕПЛЕВСКОГО - УШАКОВ - все они помощники нач. 3 Отдела, т.е. помощники НИКОЛАЕВА, за исключением МИНАЕВА который является начальником самостоятельного оперативно-го отдела.

Избивая меня НИКОЛАЕВ и его работники требовали, чтобы я отказался, что эти лица заговорщики.

Чтобы облегчить мне возможность отказа от показаний НИКОЛАЕВ устроил перерыв в операции избиения, удалил из комнаты следователя ДЗИОВА, которому я дал показания, оставив в комнате двух других своих сотрудников.

Затем он предложил и им удалиться и оставшись со мною с глазу на глаз сказал:

"Перестаньте дурака валять. ДЕНОТКИН, ИЛЬИЦКИЙ, МИНАЕВ, УШАКОВ - не заговорщики".

Тогда я заявил НИКОЛАЕВУ, что беру свои показания о них назад, о чем он об'явил с удовлетворением своим вызванным сотрудникам.

Это были, как я уже сказал, ДЗИОВ, затем следователь КУЧИНСКИЙ и ПРОКОФЬЕВ, они оба являются начальниками отделений НКВД.

КУЧИНСКИЙ вообще не имел никакого отношения к моему делу. Более того, когда НИКОЛАЕВ домогался от меня отказа от показаний, КУЧИНСКИЙ даже не работал тогда в 3 отделе.

Он тогда являлся, как мне затем передал ДЗИОВ, начальником отделения в транспортном отделе НКВД СССР.

Но КУЧИНСКИЙ находился в дружественных отношениях с НИКОЛАЕВЫМ и поэтому он его приглашал на мой допрос... для участия в моем избиении. Помню, как сейчас, слова обращенные НИКОЛАЕВЫМ к КУЧИНСКОМУ: "ты чего бездействуешь, разве я для этой цели тебя сюда пригласил"? Подогреваемый этими словами, КУЧИНСКИЙ принял активное участие в избиении, приговаривая при этом: "делай то, что тебе предлагает комиссар (т.е. НИКОЛАЕВ), тогда я прекращу" (т.е. откажись от показания).

Таким же приглашенным для той же цели являлся другой следователь ПРОКОФЬЕВ (он маленького роста, брюнет). Я уже не говорю об активном участии в "деле" самого НИКОЛАЕВА и ДЗИОВА.

Активное участие в избиении принимал также секретарь 3 отдела, если не ошибаюсь его фамилия РУМЯНЦЕВ (он низкого роста, блондин, имеет медаль 20-ти летия РККА) - совершенно постороннее лицо к следствию. Происходит при этом следующая сцена: НИКОЛАЕВ звонком вызывает РУМЯНЦЕВА и говорит ему с издевкой по моему адресу: "ДМИТРИЕВ заявил, что ты РУМЯНЦЕВ настолько слаб, что не в состоянии поднять

на него руку, докажи ему, что это не так".

Между прочим о РУМЯНЦЕВЕ до этого никакого разговора вообще не было.

Приободренный репликой НИКОЛАЕВА, РУМЯНЦЕВ тут же стал учинять жестокую расправу надо мной (особо тяжелым было это избиение, сопровождавшееся самым циничным глумлением, какое то спортивное занятие).

На допрос являлись и другие сотрудники 3 отдела - НОВОБРАТСКИЙ, НЕНАХОВ.

После отказа от показаний я подумал: действительно ли НИКОЛАЕВ убежден в невинности указанных лиц или берет их под свою защиту, заведомо зная кто они.

В первом случае, он должен был во всяком случае проверить мое показание, прежде чем его отбросить, как оговор.

Между тем НИКОЛАЕВ никакой проверки не произвел. Я это утверждаю, ибо мое показание заключалось в том, что я назвал МИНАЕВА правым и других указанных лиц заговорщиками со слов МИРОНОВА-МИНАЕВА и ЛЕПЛЕВСКОГО.

Привел об'ективные данные, устанавливающие их исключительную близость к МИРОНОВУ, ЛЕПЛЕВСКОМУ (УШАКОВА).

Самая беглая проверка последнего обстоятельства, не являлась достаточной для доказательства их заговорщической деятельности, во всяком случае не опровергала моих показаний.

Правда, в отношении ДЕНОТКИНА, ИЛЬИЦКОГО и МИНАЕВА, НИКОЛАЕВ привел такое соображение - я де, НИКОЛАЕВ, доп-

рашивал лично МИРОНОВА о ДЕНОТКИНЕ, ИЛЬИЦКОМ, МИНАЕВЕ и он не назвал, что они контр-революционеры.

"МИРОНОВ их не назвал, зачем же вы врете", - сказал НИКОЛАЕВ.

Эта была лживая ссылка, ибо:

1) я дал показания о ДЕНОТКИНЕ, ИЛЬИЦКОМ и МИНАЕВЕ после того, как МИРОНОВ был расстрелян. Это я знал в момент разговора со мною НИКОЛАЕВА достаточно точно;

2) самый факт отрицания МИРОНОВЫМ участия ДЕНОТКИНА, ИЛЬИЦКОГО, МИНАЕВА в заговоре никак еще не являлся доказательством, что я вру, так как естественным могло быть предположение, что МИРОНОВ скрыл заговорщическую деятельность указанных сотрудников, и потому опять таки необходима проверка моих показаний.

Я отверг предположение, что НИКОЛАЕВ уверен в невиновности ДЕНОТКИНА, ИЛЬИЦКОГО, МИНАЕВА, УШАКОВА и решил, что или НИКОЛАЕВ вообще не верит во все мои показания, если он такой легкостью отбрасывает часть их, или, что он заведомо зная, кто эти лица, берет их под свою защиту в понятных для каждого целях.

Разговор со мною НИКОЛАЕВА имел два прямых последствия: 1) я решил более не называть лиц, мне известных как заговорщики, 2) а через некоторое время - во все отказаться от всех своих показаний.

То и другое я выполнил через несколько дней.

Из разговора с НИКОЛАЕВЫМ я понял, что арестованный ДАШЕВСКИЙ, работавший со мной в УНКВД Свердловской области показал, о том, что в контр-революционную группу, суще-

ствовавшую в УНКВД Свердловской области и связанную со мной, входил буквально весь руководящий состав УНКВД, что является самой настоящей нелепостью, ибо не трудно локализовать, что за то время, что пробыл в УНКВД Свердловской области - свыше года - я никак не мог иметь такие "блестящие" результаты в вербовочной работе в отношении лиц, большинство которых я до приезда в Свердловск даже не знал. С другой стороны такого количества заговорщиков и не нужно было иметь, не было абсолютно никакой необходимости. Заговорщиками были только я и сам ДАШЕВСКИЙ.

ДАШЕВСКИЙ назвал как заговорщика бывшего зам.нач. УНКВД ЧИСТОВА, пом.нач.УНКВД, он же и начальник КРО -БОЯРСКОГО, пом.нач.УНКВД АРДАЕВА (т.е. всех помощников), нач. отдела ШАРИКОВА и других.

Считаю необходимым отметить, что со всеми этими лицами, которые я перечислил, ДАШЕВСКИЙ находился во враждебных отношениях, что он не скрывал от сотрудников УНКВД и что очень легко подтвердить, распросив их. С другой стороны - эти лица платили ему таким же отношением.

Я не знаю показал ли ДАШЕВСКИЙ, что либо против СТРОМИНА. СТРОМИН работал в УНКВД Свердловска несколько месяцев в 1937 г. в должности пом.нач.управления.

С этим СТРОМИНЫМ он был в хороших отношениях.

Но, я заведомо уверен, что его ДАШЕВСКИЙ не назвал как контр-революционера.

Я не знаю СТРОМИНА как заговорщика. Если он заговорщик, связанный с ДАШЕВСКИМ, то последний, не называя его, действовал в тех целях, чтобы его скрыть.

Если он не является заговорщиком, то я теперь, зная как ДАШЕВСКИЙ дает показания об участниках заговора, - уверен, что он не назвал СТРОМИНА лишь потому, что находился с ним в дружеских отношениях.

Напротив, на путь оговора он стал в отношении лиц, с которыми был в скверных отношениях.

На допросе я показал все это НИКОЛАЕВУ и ДЗИОВУ.

Какие последствия имело мое заявление я не знаю.

Вновь возвращаюсь к вопросу к нашей группе.

Я, БЕРМАН, ЛЮШКОВ, ЛЕПЛЕВСКИЙ - условились, что каждый из нас возьмет на себя обязанность повидаться с теми заговорщиками, которые остались на свободе, с тем, чтобы предпринять попытки их об'единения.

ЛЮШКОВ взялся переговорить с АГАСОМ и РАДЗИВИЛОВСКИМ. ЛЕПЛЕВСКИЙ должен был договориться с В.Д.ФЕЛЬДМАНОМ и УШАКОВЫМ.

Я - МИНАЕВЫМ, который в свою очередь должен был об'ясниться с ДЕНОТКИНЫМ и ИЛЬИЦКИМ, с которым, я как показывал выше, он поддерживал к-р связи. С ПАССОВЫМ, БАЛАЯНОМ и ДАВЫДОВЫМ А.Д. взялся переговорить БЕРМАН, причем сам ПАССОВ после переговоров с БЕРМАНОМ должен был об'ясниться с ГЕНДИНЫМ.

Результаты переговоров у нас всех были положительные (январь 1938 год).

Это было почти признанием авторитета и существования нашей группы. Говорю, почти, так как только практическая работа могла на этот вопрос дать окончательный ответ. По предложению ЛЕ ПЛЕВСКОГО мы определили наш самый ближайший актив, который должен был являться запасной руководящей

группой на случай нашего провала.

Между всеми нами четырьмя не было разногласий по вопросу о том, что эту запасную группу необходимо составить из: ГЕНДИНА, ПАССОВА, УШАКОВА и РАДЗИВИЛОВСКОГО.

Каждый из них был об этом предупрежден и дал согласие.

В период встречи в июле 1937 года с БЕРМАНОМ, он сказал мне, что я должен снабдить его сведениями по военным заводам в Перми.

Хотя я сразу понял, что он просит эти данные для вручения немцам, с которыми он был связан, я все же спросил его, для какой именно цели нужны ему эти данные? БЕРМАН сказал:

"Ты понимаешь нашу беседу в 1936 году, когда я рассказывал тебе о своих связях с немцами. Я сохранил их до настоящего времени. Эти данные мне нужны для вручения немцам".

Я дал согласие БЕРМАНУ сообщить то, что он просил, условившись с ним, что я сведения захвачу с собой при очередной командировке из Свердловска в Москву. Такая возможность мне представилась в январе 1938 года, когда я и видел БЕРМАНА.

Для передачи БЕРМАНУ я приготовил сведения по военным заводам № № 172 и 19 гор.Перми. Сведения состояли из данных о производственной программе по этим заводам и о том, как шло выполнение этой программы.

Были они изложены на листке бумаги карандашом.

Получил я их через ДАШЕВСКОГО, нач.КРО УНКВД в Сверд

ловске, раскрыв ему для какой цели они мне необходимы, так что я их должен передать БЕРМАНУ, а тот немцам.

Знаю, что ДАШЕВСКИЙ достал эти сведения без особых затруднений. Он был в Перми, посетил эти заводы и потребовал у администрации заводов сообщить ему производственную программу и ее выполнение.

Администрация представила ДАШЕВСКОМУ то, что он требовал.

БЕРМАН остался доволен моими данными.

Я знал, что ЛЮШКОВ, будучи на ДВК, установил связь с японцами. Узнал я это от него самого в январе 1938 года. Я даже подумал, как быстро он установил эту связь, ибо я знал, что он на Дальний Восток поехал в августе 1937 года.

"Японцы требуют от меня, - сказал ЛЮШКОВ, и шпионских данных, и создания диверсионных групп в крае".

Каким путем, через кого он установил эти связи, он не говорил, а я считал неудобным выпрашивать его.

По некоторым намекам я заподозрил, что ЛЮШКОВА связал с японцами ЛЕГКОНРАВОВ, председатель Крайисполкома ДВК.

Этот ЛЕГКОНРАВОВ и связанная с ним группа, были весьма законспирированными правыми, и ЛЮШКОВ принимал меры к ограждению его и группы от разоблачения.

ЛЮШКОВ сказал, что КАГАН - его заместитель, не только полностью в курсе этих отношений ЛЮШКОВА с японцами, но и активно ему помогает в выполнении японских заданий. О своих связях с японцами ЛЮШКОВ говорил позднее, в присутствии БЕРМАНА. Отсюда я тогда сделал вывод, что БЕРМАН знал о разведывательных связях ЛЮШКОВА.

- 70 -

С другой стороны БЕРМАН не скрыл от ЛЮШКОВА, что он является немецким агентом.

Изложенные факты из к-р деятельности заговорщиков в НКВД обязуюсь дополнить данными, которые постараюсь вспомнить.

ДМИТРИЕВ.

По существу этих своих показаний ДМИТРИЕВ мною дважды передопрашивался и показания подтвердил.

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР -

18.
(Б Е Р И Я)